

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПЕРЕВОЗЧИК

Алекс Орлов

Перевозчик

«Автор»

2014

Орлов А.

Перевозчик / А. Орлов — «Автор», 2014

Далекое будущее... Бывший офицер подразделения «Дага» Роджер Вуйначек ведет жизнь тихого пьяницы. У него минимальная пенсия, он подрабатывает в юридической фирме «Кехлер и Янг» – получается немного, но на выпивку хватает. Однако спецы бывшими не бывают, и пока существует «контора», на которую Вуйначек когда-то работал, в покое его не оставят. Однажды в баре к нему подсел бывший коллега и предложил вернуться, обещая зачисление в штат, контроль над резидентурой, сеть спецсвязи и «красную карту» с нелимитированным кредитом. И все это за работу, которая на жаргоне спецслужб скромно называется «перевозкой». Вуйначек покидает родную планету, отправляясь навстречу новой, неизведанной реальности...

© Орлов А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	19
8	23
9	25
10	27
11	29
12	32
13	35
14	37
15	39
16	41
17	43
18	45
19	49
20	52
21	54
22	56
23	58
24	61
25	63
26	65
27	67
28	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алекс Орлов

Перевозчик

© Орлов А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

Не отрываясь от монитора, Роджер барабанил по клавишам, заканчивая длинную фразу в коротком выводе: «...исходя из данных, предоставленных клиентом...», далее «трам-пам-пам при заявленных ограничениях...». Точно или ошибся?

Роджер вынул из папки листок прошлого отчета и кивнул, да, все так – не ошибся, и стремительным переходом из угла в угол лазерной клавиатуры закончил фразу.

Потом одним ударом запустил проверку, затем логическую проверку и расчет финансовых соответствий. Две минуты, и на экране высветился «ноль» – дело сделано. Еще через три секунды отчет переключался на рабочее место начальника секции Молли Райнер.

Она откинулась в кресле, читая заглавную страницу, потом пролистала весь документ и посмотрела в сторону Роджера, а тот развел руками и поднялся с облезлого стула, направляясь в ее прозрачную загородку.

– Ты знаешь, что ты сделал? – спросила она с угрожающими нотками в голосе.

– Ой, только давай без всего этого, мне нужно пораньше уйти...

Роджер демонстративно посмотрел на наручные часы.

– А что такое, бабушку нужно встретить?

– Ну, почти что, красотулечка...

«Красотулечка» вдохнула, качнув огромным бюстом. Она была под два метра ростом и под сотню килограмм весом. Когда-то в студенческой юности Молли даже толкала ядро, говорят, очень далеко, но с тех пор образумилась – вышла замуж и поступила на работу в «Кехлер и Янг».

– Этот отчет мы должны сделать только через три дня, понимаешь?

– Понимаю.

– А ты сделал его за три часа.

– Виноват – исправлюсь.

– Почему ты не устроишься на полный день, Роджер? Я могла бы поставить тебя на сдельный режим, ты бы греб деньги лопатой.

– У меня нет лопаты, – развел руками Роджер. – Ну можно, я уже пойду?

– Хорошо, скажешь, что я отпустила тебя пораньше, – вздохнув, согласилась Молли.

Роджер постоянно перевыполнял план вчетверо, успевая за свои полставки делать огромную работу. Ну как ему было отказать?

Становиться на полную ставку он не хотел, а почему – не объяснял.

Жить на такие деньги было трудновато, но он и выглядел не слишком презентабельно. Костюмы носил старые, стригся редко, да и брился тоже. Не то чтобы он выглядел неопрятным – нет. Ботинки всегда начищены, часы за сорок тысяч – неизвестно, откуда он их взял при его скромных доходах.

Роджер помахал обернувшимся коллегам и выскочил из офиса в коридор.

Вот она – свобода. Он хорошо выполнял свою работу, но ненавидел оставаться в этом здании дольше положенных четырех часов, а уж если появлялась возможность соскочить пораньше, он вцеплялся в нее, как крыса в потроха.

Довольный собой, Роджер вприпрыжку доскакал до лифтового холла и резко сбавил шаг, обнаружив там самого мистера Янга – одного из двух главных партнеров фирмы.

Седой, сухенький, в синем костюме из прошлого десятилетия, сшитом где-то в Майран-Бомс, тогда вполне благопристойном районе, он выглядел совсем не страшно. Даже где-то жалко.

Услышав шаги, мистер Янг обернулся и увидел Роджера.

– Добрый день, сэр.

– Добрый день э-э... мистер Вуйначек.

Роджер был озадачен. В конторе работало около четырех сотен сотрудников, но Янг узнал его. Значит, не врал, говоря, что Янг помнит каждого в лицо? С одной стороны, это круто, что восьмидесятилетний старикан обладает такой памятью, а с другой стороны – хреново, ну зачем Роджеру такой сверхконтроль? Нет, ему это совсем не нравилось.

Подождал лифт, Янг вошел в кабину и продвинулся подальше, чтобы освободить место для Роджера, но в кабину никто не вошел. Янг удивленно выглянул в лифтовой холл и никого не обнаружил. Пожав плечами, он нажал нужную кнопку, створки закрылись, и лифт уехал. Лишь после этого Роджер вышел из-за угла и снова вызвал лифт.

Не хватало еще ехать в одной кабине с этим чудо-стариком. Нет уж, часть своей жизни под контролем он уже прожил, больше не надо – покорно благодарим.

2

Спустившись на первый этаж, Роджер снова обрел радостную легкость и вприпрыжку побежал к проходной, которую запирали два бодигарда – старший и младший.

Оба ростом под потолок и даже у комаров не было ни единого шанса пролететь мимо них незамеченными. Оружие, наркотики, сканирующая аппаратура, диктофон? Точно у вас ничего нет, сэр? Может, хотя бы бочонок пива?

Представив этот диалог, Роджер заулыбался. Бред, конечно, но забавно.

Он намеревался объяснить с секьюрити лишь парой знаков и выскочить вон – на воздух, к солнечному свету, птицам и торговцам жвачкой в городских туалетах. Но неожиданно автоматические двери расступились, впуская внутрь настоящую королеву!

Улыбка на небритом лице Роджера расплзлась до ушей. Ну как же! Ведь именно эта особа мирила его существование с этим затхлым мирком «Кехлера и Янга». Только одна встреча с ней раз в неделю давала ему силы существовать дальше, приходиться утром, строчить отчеты и заверять Молли Райнер, что ее Александр обязательно завяжет с картами.

«Бобби...» – мысленно произнес Роджер, переходя на размеренный шаг настоящего тайного мачо. Скромного снаружи, но жаркого внутри.

– Привет, Бобби! – как обычно, поздоровался он, отвесив ей часть своей приветливости, не больше чем другим.

Ах, красotka! Эти ресницы, эти серые глаза, эти собранные как-то там наверху светлые волосы, отчего отдельные прядки покачивались возле ушек, как серпантин на новогодней елке.

– Отлично выглядишь, – снисходительно добавил он, когда Бобби проходила мимо, как какая-нибудь супермодель на подиуме, из тех, что зарабатывают по сто тысяч за два часа подиум-шоу.

В глазах Бобби вспыхнул огонь негодования, но Роджер привычно не обратил на это внимание. Все секретарши хотят казаться недоступными, однако они всего лишь секретарши, хотя и называют себя референтами. Как бы ни старались эти красotки продемонстрировать свою значимость, каждому понятно, что дело номер один для них – принести кофе, а дело номер два – не для широкого обсуждения.

Этот жук Кехлер знал все тонкости, выбирая такую крошку. Роджер видел его пару раз. Постаревший ловелас, не сдававшийся благодаря современной химии и фармацевтике.

Другой бы уже грелся на солнышке в загородном домике, а этот носил костюмы за десять тысяч риггеров, надевал перстни с бриллиантами и подкрашивал седеющую шевелюру.

Ему было шестьдесят три, и обычный мужик давно бы поставил свою тачку в гараж, а этот...

– Мистер Вуйначек, можно вас на минуту? – попросил старший секьюрити с карточкой на лацкане «М. Тиккер».

Роджер подошел, но разговор начался не сразу. Сначала они проводили взглядом Бобби, которая, качнув бедрами, зашла в лифт, и створки закрылись.

– Наверное, шестой номер, не меньше, – предположил Роджер, все еще глядя на лифт.

– Вообще-то пятый, но это к теме не относится.

– А что относится? – уточнил Роджер, глядя на «М. Тиккера».

– Видите ли, мистер Вуйначек, – издали начал старший секьюрити. – Как мужчина я вас очень хорошо понимаю. Мисс Кьюзак, она...

«М. Тиккер» сглотнул и сделал руками неопределенный жест.

– Но, с другой стороны, всякий раз при встрече с ней вы демонстрируете слишком развязные манеры, и мисс Кьюзак... Она попросила поговорить с вами.

– Да ладно, парень, ты пошел на поводу у этой финтифлюшки? – усмехнулся Роджер, снова обернувшийся на лифт. – Да этот Кехлер в бархатном костюме давно уже трахает ее, разве не так? Для чего, по-твоему, он ее нанимал за такое бабло? Ты прикинь, что ее жалованье вдвое превышает твое – думаешь, за просто так?

– Это не мое дело, мистер Вуйначек, но мисс Кюзак – младший партнер фирмы, и она имеет право рассчитывать на то, что сотрудники «Кехлер и Янг» не будут вести себя так, словно...

– Стоп, что ты сказал?! Младший партнер?!

– Да, мисс Пенелопа Кюзак младший партнер.

– Ах ты сволочь... – произнес Роджер, покачивая головой, и хлопнул ладонью по стойке. Потом заметил, как на это отреагировал секьюрити, и улыбнулся.

– Не обращай внимания, это я не к тебе, это... В общем, закрыли тему, парень. Я все понял и больше в этой проруби не всплыву, договорились?

– Ну, если вас не интересуют подробности...

– Подробности? А какие могут быть подробности?

– Дословно – мисс Кюзак сказала: меня достал этот вонючий алкаш, сделайте что-нибудь, Тиккер. А Тиккер – это я.

3

Видно было, что Тиккер наслаждался реакцией Роджера, но ничего поделать было уже нельзя.

– А сколько ей лет, приятель? – спросил Роджер, пользуясь откровенностью старшего секьюрити.

– Тридцать ровно.

– Тридцать ровно, – повторил Роджер и вышел на улицу, все еще находясь под впечатлением всех этих новостей. И так, Сонни Росграйва нужно избить, и желательнее с применением дополнительных средств, вроде бейсбольной биты, туристических ботинок и гаечного ключа на восемьдесят девять, ведь это он сообщил Роджеру всю информацию по Бобби, а точнее, по Пенелопе Кьюзак. Но откуда он ее взял? И это так называемый системный администратор отдела кадров?

«Больше никакой ему помощи, он просто козел какой-то», – подумал Роджер, выходя на улицу.

Он чувствовал себя настоящим поганцем, ведь он вел себя, как уличный хам. Он был уверен, что она протаптывает карьерную дорожку стройными ножками и все такое прочее, а оказалось – младший партнер! Неплохо, в ее-то возрасте! И почему говорят, что все красивые бабы – дуры?

Но Сонни – козел, тут без вариантов.

Погасив гнев, чтобы не портить чудесного избавления от служебных обязанностей на целых сорок минут раньше положенного, Роджер сосредоточился на окружающих красотах. На старой архитектуре квартала, потоке машин, на кадках с цветами, что стояли на узких балконах и возле подъездов.

На лицах прохожих, погруженных в собственные переживания или, напротив, раскрепощенных. Люди жили, люди торопились и делали ошибки. Такое случалось.

Вот мостовая и велосипедисты, вот пиццерия с витриной с живым видео. Все их ролики Роджер выучил наизусть, в том числе тот, где сыр разговаривает, а потом сам стирает себя на терке и укладывает на пышки.

По его мнению, реклама была глупой, но краски не подкачали, и вообще, Роджер любил пиццу, когда заканчивалось мясо, молоко, сертвольдская селедка с горчицей и... Сразу после селедки шла пицца. Он любил пиццу.

Всего лишь десять минут быстрой ходьбы, и Роджер прибыл к любимому бару «Гранджер», лучшей питейной точке во всем юго-западном районе города. Случалось, он угощался в «Полицмейстере» и в «Панамере», но это было на халяву, и, если честно, он даже не помнил, с чьей помощью попал в «Панамеру».

Запомнил лишь громкую музыку, тяжелые портьеры и стопку рвотного в туалете.

Рвотное тогда ему не помогло, и все переместилось на понедельник. Все утренние ощущения, холодный душ и в конце концов четыре большие таблетки алкорегенератора.

Переступив знакомый порог, Роджер перевел дух и неспешно направился к стойке пока еще пустого в это время бара.

Бармен заметил его и поприветствовал высоким бокалом «карвардского флага», совмещавшего в себе абрикосовую водку, жженный кленовый сироп и минеральную воду с каплей жасминового масла.

– Как ты узнал, что я сейчас подойду? – спросил Роджер, забираясь на высокий стул и принимая из рук бармена высокий стакан.

– Ты не поверишь, я делал это для себя. Сейчас пусто, и мне немного взгрустнулось.

– «Карвардский флаг», сделанный барменом для себя, – это дорогого стоит, – заметил Роджер и посмотрел бокал на свет, излучаемый расставленными по углам светильниками.

– Ты сегодня рано, – бармен взглянул на свои часы. – На целых сорок минут...

– Эх, Тони, сегодня я капитально нажрусь, – пообещал Роджер, отпивая добрую половину своего коктейля.

– Я думал, это было вчера.

– Это было вчера, это будет завтра и это будет всегда, пока есть деньги, приятель, – пообещал Роджер.

– Тебе сорок два года, мог бы найти и другое занятие, – заметил Тони, у которого имелась жена и двое курчавых ребятишек. Роджер видел их не один раз и как-то передавал им сладости. Какие именно – не помнил. Он просто указывал на коробку конфет и говорил – передай своим крепышам. Но плут Тони присваивал деньги, тем самым как бы передавая их этим самым деткам.

4

Проглотив «карвардский флаг», Роджер почувствовал себя лучше. Исчезла вся эта суета, ушла напряженность. Мир стал более гармоничным, хотя, конечно, пара сволочей всю эту картину все же портила.

– Что теперь? – спросил Тони.

– «Зеленый фонарь».

– А не слишком ли резко, приятель?

– Давай-давай, не задерживай. Это не я говорю, этого требует все мое существо, – сказал Роджер и, повернувшись, посмотрел на зал.

Пара немолодых дам, потягивающих что-то мятное, несколько знакомых одиночек, которые пьют под книгу или под наушники – музыку слушают. Лица знакомые, но фактически это неизвестные Роджеру люди. Они даже заказ делали, опустив глаза к полу, но Тони такие ребята нравились.

– С ними никакой мороки. Они не заставят, как ты, Роджер, выложить всю подноготную. А вот ты – вьедливый сукин сын, тебя как будто обучали к людям в доверие втираться.

Заметив уставившегося на него субъекта, Роджер словно поперхнулся и повернулся к Тони за разъяснениями.

– Да ты его знаешь, он тут уже второй месяц охмыряется. Пьет все, что ни предложу.

– Но это же...

– Ладно, не газуй, приятель, – сморщился Тони. – Для меня нет никакой разницы – цифровой это или человек.

Роджер отставил стакан и собрался развести руками, но Тони его опередил:

– Перестань, по закону они такие же, как мы, и я не могу отказать ему, тем более что...

– Что? – сразу спросил Роджер.

– Ну, то есть этот парень страдает. Он приходит за успокоением, заказывает бурду для проформы и ждет только разговора.

– С кем?

– Мне кажется, ему все равно, с кем. Он хочет бросить якорь хоть где-то, но к нему никто не подсаживается.

Роджер пригляделся. Цифровик как цифровик. Обычное лицо, никакие глаза, существо без какого-либо настроения.

– Жалко его, – сказал Роджер, принимая следующий коктейль.

– Мне тоже.

– Мы мягкие существа. Небось нас на их Орионе погнали бы.

– Может, и погнали бы, – вздохнул Тони и прошелся тряпкой по безупречно чистой стойке.

В бар вошел новый посетитель, и Роджер, едва посмотрев в его сторону, отставил стакан и сказал:

– О, нет, только не это...

– Ты знаешь его? – удивился бармен, поскольку в полумраке заведения разглядеть лицо незнакомца было невозможно.

– Понятия не имею, кто это, но предчувствие, понимаешь?

– Что за предчувствие, Роджер? Это в тебе заговорил «зеленый фонарь»...

– Нет, абсента здесь совсем немного, просто это как шкура, понимаешь? Она со временем становится тонкой и чувствительной, я ею очень многое чувствую.

– Кстати, у нас новый кондиционер, – улыбнулся Тони. – А ты своей шкурой этого не почувствовал.

– Кондиционер – это банально, а вот теперь... – Роджер задержал во рту очередной глоток «зеленого фонаря» и посмотрел на Тони. В этот момент рядом со стойкой остановился новый посетитель и сказал:

– Красный «шпанс», пожалуйста...

– Красного не получится, сэр, у нас только желтые персики, – виновато улыбнулся Тони.

– Хорошо, пусть будет желтый.

Тони поспешил исполнить заказ, а незнакомец занял соседний с Роджером стул и добавил:

– Рановато для крепкого коктейля, Роджер.

Роджер сделал вид, что ничего не слышит, тем более что из угловых динамиков негромко звучала джазовая пьеса.

– Могу добавить капельку вишневого рома, чтобы был «тобакко»!.. – сообщил Тони, улыбаясь новому клиенту. «Шпанс» был дорогим коктейлем, и это стоило того.

– Немного вишневого рома не помешает, – согласился тот.

Не доверяя механическому автомату, Тони принялся сбивать коктейль вручную. Знающие люди ценили такое к себе отношение, и новичок показал бармену большой палец, одобряя его действия. А Тони и рад стараться.

Роджер вздохнул, ему не нравилось это подобоострастие старинного приятеля. Хотя не такого уж и старинного, ведь он ходил сюда только четыре года, к тому же Тони работал за деньги, а тут хочешь не хочешь, но изволь улыбаться или пошел вон с доходного места.

5

Получив наконец свой «шпанс», незнакомец прямо у стойки сделал глоток, закивал с видом знатока, отдавая должное мастерству бармена, затем коснулся локтя Роджера и сказал негромко:

– Давай отойдем.

– Пойду, познакомлюсь с этим парнем, – сказал Роджер Тони, когда новичок уже занял место за одним из столов.

– Давай, тебе не помешает завести хоть каких-то друзей.

Ах, Тони, этот наивный Тони. Роджер подошел к столу, где уже сидел этот никем не званный субъект, и первым делом посмотрел на его ботинки – он узнал бы его даже по ним.

Роджер сел, и они посмотрели друг другу в глаза. Это не была встреча друзей, нет. Но и не врагов тоже. Просто оба предпочли бы избежать этого разговора, но – не получилось.

– А мне ребята из четвертого отдела сказали, видели, мол, Вуйначека. Пьянствует, говорят, в забегаловке напротив прачечной «Брикси». Я подумал, елки-палки, сколько лет не видел старину Роджера, пойти, что ли, перекинуться с ним парой слов? И вот, вышел на обед пораньше и, как видишь, застал тебя здесь.

– Из квартала Западный Варс сюда пилить два часа, Янгер, – сказал Роджер, вяло потягивая остатки «зеленого фонаря».

– А, так ты многого не знаешь, наш департамент перевели в район Буйе.

– Из Буйе – полтора часа.

Роджер заглянул в свой стакан, тот был пуст, только два кусочка размякшей дыни на дне, а абсента и мятного ликера уже не было.

– Этот «шпанс» – дерьмо, – признался Янгер, немного кривясь от каждого глотка.

– Зачем заказывал?

– Хотел польстить бармену.

– Ты польстил, что дальше?

– Я вот что думаю, Роджер, то, что мы сегодня случайно встретились – не просто так.

– Конечно, не просто, приятель, ведь вы пасете меня уже полтора месяца. Серый «Ральер», две одутловатые морды, чипсы, пончики, кола, сортир на той стороне в прачечной.

– Да ты не так прост. А я полагал, что совсем оскотинился в этом своем «Гранджере», – Янгер обвел взглядом сумрачные своды бара. – Думал, ты тут совсем скрючился под тяжестью крепких коктейлей. И что же? Я ошибался?

– Честно говоря, Янгер, я едва сдерживаюсь, чтобы не дать тебе в морду прямо сейчас, – предупредил Роджер.

– Но-но, приятель, поосторожнее. Ты же не забыл, чем все это закончилась семь лет назад?

– Вас было пятеро против одного. Но вы получили по полной. Как там этот твой подручный? Он собрал вместе зубы и ноги?

– Сержант Воббер до сих пор ходит, прихрамывая, но не следует забывать, что он был всего лишь рядовым оперативником, а ты, Роджер, офицер подразделения «Дага». Стоит ли радоваться по этому поводу?

– Но вас было пятеро!

– Ладно, забыли.

Какое-то время они сидели молча. Янгер как бы прихлебывал «шпанс», Роджер лишь дотрагивался до своего стакана.

– Сказать честно, Роджер, я рад, что ты все еще крепок. У нас полагают, что через три года мастер превращается в дерьмо, но ты не превратился, спасибо тебе за это.

– Пожалуйста.

Они еще немного помолчали. Тони удивленно на них таращился, непохоже было, чтобы эти люди встретились впервые.

– Есть одно дельце, Роджер...

– Никаких больше дел, Янгер, тем более с конторой, – оборвал его Роджер. Несмотря на два коктейля, он выглядел совершенно трезвым.

– У тебя пятно на пиджаке.

– И что?

– Ты плохо одеваешься, Роджер.

– На работе ко мне нет никаких претензий.

– Вот именно, Роджер, на работе. Разве можно называть работой этот маленький гадюшник, где все едят друг друга поедом за каждую сотню риттеров?

– Прямо как раньше у нас на Равер-стрит, правда? – зло усмехнулся Роджер и забросил в рот кусочки дыни со дна стакана. – Только там интриговали не за деньги. Карьера, карьера и еще раз карьера. Ну так я закончил свою карьеру, теперь мне от вас ничего не нужно.

Роджер покосился на Тони и сделал неопределенный жест, что-то вроде – пиво, похолоднее и без чипсов.

Тони принес его тотчас, надеясь подслушать хоть что-то, но Роджер его сухо поблагодарил, а Янгер удостоил дежурной улыбки.

– Ты ненавидишь работать, Роджер, – сказал Янгер, когда бармен ушел. – Нет, нашу работу ты, конечно, любил, ты ее обожал. Но отбывание в юридической фирме ты ненавидишь – каждый час, каждую минуту, все эти унылые рожи, кроме, пожалуй, Пенелопы Кьюзак.

Роджер молча воткнулся в свое пиво, чтобы не показать, что ему неприятно это копание конторы в его личной жизни. Ну что им еще нужно, ведь они разошлись совсем, причем не по его инициативе?

– Тебе нужны деньги, Роджер. Просто нормальные суммы, чтобы выживать. А если бы получал пенсию дипломатического департамента, ты бы ни в чем не нуждался и посещал бы это заведение без этой уничтожающей веселье мысли, что завтра тебе снова нужно переться в «Кехлер и Янг», чтобы заработать на выпивку.

– У меня уже есть пенсия, Янгер! Пошел в задницу ты и твоя контора!.. – воскликнул Роджер, теряя самообладание.

– У тебя есть пенсия, но это армейская пенсия четвертой категории, это тот уничижительный минимум, который контора просто не могла себе позволить не заплатить тебе.

– Ну и что тебе еще нужно, урод? Хочешь устроить дуэль на столовых ножах прямо здесь?..

Роджер даже привстал, произнося это, а Янгер, минуту наблюдавший за этим с серьезным видом, засмеялся, впрочем, сейчас же подавил свой смех.

Тони вытащил из-под прилавка дробовик, но, присмотревшись, сменил его на бейсбольную битку, однако и ее потом поставил на место и принялся протирать стаканы.

6

Сменилась джазовая пьеса, и редкие посетители продолжили свои беседы, ничуть не отвлекаясь на проблемы других гостей. В заведении снова зазвучала музыка.

– Роджер, ты ходишь в поношенной одежде, но заглядываешься на молодых женщин выше тебя по статусу. В такой ситуации у тебя нет ни единого шанса, а ведь тебе всего сорок два.

– Я знаю. Просто меня неверно информировали, в противном случае я на эту Бобби даже не взглянул бы. Я понимаю свои границы, Янгер. Я исправлюсь, и все будет в порядке, – парировал Роджер, и Янгер почувствовал, что теряет контакт, настолько холодно и отстраненно прозвучал голос Роджера.

– Но ты мог бы получать совершенно другие деньги, и тогда эта Бобби оказалась бы тебе вполне по силам.

– Не нужна она мне, Янгер. И ты мне не нужен. Просто встань и выйди вон. Я не хочу слушать уродов Веймара – я все ваши заходы наизусть знаю.

Янгер расплылся в самодовольной улыбке.

– Что я сказал не так?

– Роджер, полковник Веймар уволен распоряжением министра почти два года назад. Мы о нем, признаться, даже думать забыли, и только ты...

– Заткнись!.. – потребовал Роджер и сжал бокал так, что тот едва не лопнул.

Янгер только покачал головой и с ухмылкой принялся за свой коктейль, а Роджер, выдержав паузу, сделал пару глотков пива.

– Джоу, а ведь ты по специальности вербовщик, – сказал он Янгеру.

– Наконец-то ты вспомнил.

– Похоже, вы меня переоценили.

– Нет, приятель, угадали в самый раз. Где-то переоценили, где-то недооценили, но в главном не ошиблись – ты еще очень даже хорош и можешь пригодиться в работе.

– Ну, допустим. А чего вы в результате добиваетесь, думаете, буду для вас толстосумов убивать, как все отставники-расходники?

– Обижаешь, приятель, такого добра у нас хватает. Для таких дел мы бы о тебе даже не вспомнили, но ты нам нужен в прежней своей квалификации. Нам нужен перевозчик, Роджер.

– Перевозчик?

– Вот именно. Все как в прежние времена – возвращение звания, постановка на финансовое содержание, возвращение контроля над резидентурой, сетью связи, нелимитированная «красная карта». Ну и все такое прочее.

– «Красная карта» на все банки?

– Старик, ну ты задаешь глупые вопросы. «Красная карта» – тут больше сказать нечего.

– Да, извини, – согласился Роджер. Похоже, он действительно что-то подзабыл. «Красная карта» – значит, нелимитированный кредит в двенадцати главных банках и стотысячный кредит в двух сотнях региональных частных заведений.

– Ну так что, я правильно понимаю – мы находим общий язык?

– Мы его ищем, Джоу, но пока это лишь воспоминания, новая информация, которая...

– Требуется осмысления?

– Вот именно. Ты говорил о Веймаре, его точно турнули?

– Точнее не бывает.

– А что с ним было не так, тоже поскользнулся на арбузной корке некорректного поведения? – усмехнулся Роджер, припоминая слова формулировки из собственного увольнительного заключения.

– Нет, приятель, там покруче. Много сказать не могу, но он поскользнулся на политической корке.

– О! – покачал головой Роджер.

– Вот именно. Поскользнувшись на такой корке, случается, сильно расшибаются, но Веймару повезло, помогли прежние связи. Так что он просто на пенсии по здоровью.

– Не у всех имеются такие связи, – сказал Роджер и залпом допил пиво.

– Не нравится? – спросил Янгер, заметив, как по лицу Роджера с последним глотком пробежала судорога.

– Синтетика, а я люблю из натурального сырья.

– Правильно. Но для пива из натурального сырья у тебя тощий карман.

– Хорошо, господин майор, я это учту. А теперь нам лучше распрощаться, пока беседа не стала слишком пресной.

– Согласен, – кивнул Янгер и тоже залпом допил свой коктейль, чтобы не обижать следившего за ним бармена. На самом деле ему на этого бармена было наплевать, однако сюда предстояло еще вернуться.

Положив под бокал купюру в двадцать риттеров, он поднялся и, махнув бармену, направился к выходу. Роджер подождал, когда звякнет колокольчик входной двери, вышел из-за стола и вернулся к стойке, где переминался, стгорая от любопытства и нетерпения, Тони.

– Я уже не знал, что и думать, – пожаловался тот, пригибаясь к стойке. – Кто это был?

– Эта рыба из прошлой реки, – сказал Роджер.

– Поганая, надо думать, была река.

– Не то чтобы поганая, но вода там была мутная, а русло часто изобиловало крутыми поворотами.

– Как ты сказал?

– Что? – не понял Роджер.

– Ну, вот это слово – изо... било... Повтори.

– Изобиловало?

– Ух ты! Вот это ломанул! Погоди...

Тони выскочил из-за стойки, смотался к дальнему столику, забрав стакан от мятного коктейля у двух немолодых дам, и, улыбнувшись им, принял новый заказ. А затем зарысил обратно, попутно захватив пивной бокал Роджера и его гостя с двадцаткой за десятириттервый коктейль.

– А твой злодей щедрый! – сообщил он, демонстрируя купюру.

– Не из своих платит, это представительские расходы, – попытался урезонить его Роджер.

– А мне какое дело? Пусть хоть из представи... как ты сказал это слово?

– Представительские, – терпеливо произнес Роджер.

– Круто. А вот то первое слово...

– Изобиловало.

– Елы-палы, Роджер, я потом запишу, ты смотри не забудь это слово. Изоби... ло... вало...

Тони покачал головой и, поставив стаканы в моющую машинку, принялся готовить кофе с пенкой и кремный мусс для дам.

Сделав заказ, он отволол его к столику и вернулся за стойку, слегка запыхавшийся и довольный – с румянцем на щеках. Это означало, что он уже подсчитал свои чаевые, и вышло неплохо.

– Ну что, какой микс теперь забабахаем, а? – спросил он, не скрывая энтузиазма.

– А знаешь, пожалуй, я пойду, – неожиданно для самого себя решил Роджер, слезая с высокого табурета.

– Ох ни фиги себе! С чего это? – удивился Тони.

– Нужно кой-чего обмозговывать, а для этого нужна ясная голова.

Тони пару секунд был в зависшем состоянии и не мог определиться, как на это реагировать. Роджер, конечно, не оставлял чаевых – он расплачивался с сетевого аккаунта, но план давал будь здоров. И за четыре года к его участию в делах бара привыкли и Тони, и владелец заведения.

– А знаешь, ты недавно высосал «зеленый фонарь», а выглядишь как стеклышко, – сказал Тони. – Этот парень здорово тебя напряг, Роджер.

– Ну, не знаю, – сказал тот. – До завтра, Тони.

– До завтра.

7

Не успел Янгер занять место за своим столом, пробежаться глазами по скопившейся электронной корреспонденции, как зазвучал зуммер персонального интеркома связи с начальником службы.

Янгер какое-то время продолжал просматривать тексты писем, обманывая сам себя и делая вид, что не слышит зуммера, но на него уставились двое коллег, сидевших в этом же кабинете, и пришлось включить «прием».

– Мистер Янгер, вас просит к себе начальник службы, – сообщил ему Жонао Колпиер, моложавый мулат, служивший у «нача» в качестве секретаря, однако ходили слухи, что при необходимости Жонао выполнял особые поручения босса. Ну, там, тормозные магистрали в машине подрезать, спровоцировать отравление котлетами, и, глядя в водянистые глаза Жонао, Янгер был склонен верить в подобные слухи, тем более что в разведке слухи назывались непроверенной информацией, а это уже совершенно другое дело, ведь восемьдесят процентов сведений поступало именно с такой пометкой. Эти слухи как-то обрабатывали, приделывали к ним выводы и поставляли в правительство в виде рекомендаций.

– Сейчас буду, – обронил Янгер, торопливо выключая интерком, чтобы не видеть глаз секретаря шефа. – Сейчас вернусь, – сказал он коллегам, выбираясь из-за стола.

Затем вышел в коридор, застегнул пиджак на все пуговицы и пошел вдоль стены, стараясь не замечать знакомых, поскольку улыбки и неформальные приветствия при нынешнем руководстве считались проявлением нездорового рабочего климата, кумовства и приятельского панибратства.

Бред, конечно, но начальство есть начальство. Эти стены видели еще и не такой маразм, включая персиковый цвет потолка и общее оформление под мифы приморских народов.

Сегодня навстречу попадались только клерки невысокого уровня, поэтому их, даже знакомых, можно было игнорировать, на радость сети следящих камер, развернутой по всему зданию.

Стукнув в дверь с подчеркнутым безразличием, Янгер подождал, пока Жонао, глянув в видеоконтур, откроет дистанционный замок и выпустит подчиненного для беседы с боссом.

– Генерал Лангарфи ждет вас, майор, – сказал секретарь, не отвлекаясь от какого-то сериала, который, судя по сладострастным всхлипам, был доступен только совершеннолетним.

– Благодарю, – буркнул Янгер и, толкнув неприметную дверь, оказался в кабинете начальника службы.

Тот сейчас же закрыл папку, которую просматривал, и, убрав в сейф, закрыл на сканерный замок. Потом улыбнулся Янгеру, как доброму знакомому, и указал на стул перед своим столом – старый, облезлый, почти лишившийся обшивки, зато с крепкими ножками на перетяжках.

– Приветствую, майор, что у нас с вербовкой Вуйначека?

– Пока никак, сэр, имела место только пробная беседа категории «бэ-четыре».

– Да ладно, майор, во-первых, вы в вербовочном деле совсем не новичок, а во-вторых, этот парень уже был в составе разведки, и вы знаете его лучше, чем кто-либо.

– Это не плюс, сэр, это минус. Он смотрит сквозь тебя, он знает, какой вопрос услышит в следующий момент, какой увидит козырь. Фактически он играет краплеными картами.

– А мы?

– А мы вынуждены ему позволять делать это.

– Неправильно как-то, майор, вы не находите?

– Не нахожу, сэр. Он нам нужен, а мы ему не нужны.

– Что значит не нужны?

Начальник службы достал из коробки сигару и, эффектно отрезав кончик гильотинкой, так и не добрался до прикуривателя, положив сигару на стол.

– Какие у него доходы?

– Он получает пенсию четвертой категории – полторы тысячи риттеров. Этого хватает на аренду поганенькой квартирки и оплату электричества. Еще три тысячи он зарабатывает в юридической конторе «Кехлер и Янг», но спускает эти деньги в баре «Гранджер».

– Маловато зарабатывает, вам не кажется?

– Он работает там полдня, сэр.

– А почему полдня?

– Потому что большего ему не требуется, половины дня хватает, чтобы оплатить выпивку в баре.

– Ага, – кивнул начальник и открыл персональный холодильник с охлажденными овощами. В этот раз он достал очищенную морковь, а в прошлый визит Янгера была съедена половина репы.

– Что у него за характеристики с места работы?

– Официальных файлов его характеристики не обнаружено, но из личной беседы нашей сотрудницы, которой удалось познакомиться с Молли Райнер – начальницей Вуйначека, он прекрасно освоил бухгалтерский учет и ревизорные функции. Любой отчет, на который тратят трое суток, делает за полдня.

– Вот как?

Начальник службы откусил половинку морковки и стал с хрустом ее жевать, как какой-нибудь гигантский грызун. Янгер невольно посмотрел на его уши, но нет, сравнить их с кроличьими было нельзя. Обычные уши, ничего особенного.

– А что он делал до устройства в этот самый «Кехлер и Янг»?

– Работал на стройке, сэр.

– На стройке?

– Ну да. Таскал панели, глушил дюбеля, сверлил каналы и сворачивал обрешетку, как-то так.

– И все это он умеет делать?

– А почему нет? Обычная работа. Он бы до сих пор работал на этих стройках, если бы его не приметил какой-то там родственник прораба, которому Вуйначек помог оформить бухгалтерские бумаги. Так началось его восхождение в юридической фирме.

– Понятно.

Начальник догрыз морковку и вытер руки салфеткой с таким видом, будто покончил с жирным бифштексом.

– Итак, майор, вы огласили ему конкретные цифры?

– Сэр, если бы я начал с цифр, он бы послал меня на три буквы.

– Да ладно, майор, я, конечно, несведущ в этих ваших специально-вербовочных штуках, но по мне, лучше видеть конкретные суммы, чем эти непонятные эмоциональные... как их там?

– Не могу знать, сэр, – начал злиться Янгер.

– Ну хорошо, когда вы поговорите с ним более предметно?

– Я надеюсь, что в следующий раз.

– Почему так неопределенно?

– Потому что в следующий раз он может начать стрелять в меня прямо в баре. Или вовсе не явится, уйдя в запой на дому, или же сбежит на какую-нибудь стройку.

– Все настолько неопределенно?

– Так точно, сэр.

– И никак нельзя его принудить общаться с конторой?

- Попытаться можно, но это офицер подразделения «Дага»...
- Да, понимаю. Тогда перейдем к конкретным числам, цифрам, суммам и тому подобное. Как в денежном отношении вы видите его сотрудничество с нами?
- Полагаю, он потребует восемьсот тысяч, сэр, но я легко сдвину его на шестьсот и даже ниже, возможно, устаканится на полумиллионе.
- Большие деньги, – покачал головой начальник, сразу делаясь грустным.
- Большой задаче – большие деньги, сэр.
- Может, стоит предложить ему не столь щедрые бонусы, но зато в штате? Мы ведь можем вернуть ему все, а после выполнения задания пообещать новое звание.
- Сэр, при всем уважении, он не новичок. Отставник – да, но не новичок. Он легко срисовал наших оперативников и если бы захотел – избавился бы от них незаметно. Он все еще в игре, сэр, и в известной мере нам это на руку.
- Он не захочет в штат?
- Он не поверит, что это надолго.
- Ладно, как вы рассчитали эти пятьсот-шестьсот тысяч? Куда они пойдут?
- Двести пятьдесят – туда, двести пятьдесят – обратно, вот и все вознаграждение.
- При наших расходах на все про все.
- Разумеется.
- А что, если так – туда двести пятьдесят тысяч и на этом ограничимся?
- То есть?
- Он прибывает, получает промежуточную сумму за это. Он же на этом будет настаивать, правильно?
- Да, возможно, он потребует выплатить половину по прибытии на место.
- Ну и порядочек. Там его и оставить, это же нетрудно будет сделать? Я имею в виду что-то бесконтактное, волнолайзер или тупо – снайпера посадить. Нам сейчас нужно не превышать лимиты, понимаете? Пусть отвезет депешу, и больше он нам не нужен, а тысяч пятьдесят из сэкономленных мы выпишем прямо на ваш счет.
- Янгер вздохнул, чтобы скрыть пробуждающуюся ярость. Он знал, что новый босс по политическим причинам был им навязан ассоциацией торговцев оружием, и из опыта работы в разведке у него имелась лишь стажерская практика в министерстве обороны.
- Видите ли, в чем дело, сэр, – Янгер даже улыбнулся, успокаивая нервы. – Пятьдесят тысяч мне бы, конечно, не помешали, но если снайпер промахнется, Вуйначек вернется за свой счет, и вам придется нанимать дополнительную охрану.
- Видимо, до начальника дошел смысл сказанного Янгером, он пошевелил бровями, потом взял обрезанную сигару и снова положил на стол.
- Если он так опасен, его нельзя оставлять под носом у конторы, майор.
- А что прикажете с ним делать, сэр?
- Ну... – начальник снова пошевелил бровями. – Можно подставить его копам. Подкинуть порошок.
- Сэр, у нас сотни отставников, где на всех взять порошка? И потом, это мы к нему пришли, а не он к нам. Его пока все устраивало. Он работает полдня, дует выпивку сколько хочешь и ни перед кем не отчитывается.
- Да, хотелось бы побыть в его шкуре, – улыбнулся начальник. – Но это не мы, это ты к нему поперся, майор.
- Вы сказали – нужен перевозчик, я сказал – в штате только новички. Вы сказали – найти бывалого, я предложил Вуйначека, вы одобрили, сэр. Вот как это было.
- Ладно, – начальник поднял руки, словно сдаваясь. – Согласен, так все и было. Когда вы поговорите с ним конкретно, майор Янгер?
- Зайду в бар через пару дней.

– Почему не завтра?

– Он должен освоиться с новой мыслью, а на завтра его выводы будут еще слишком сырыми.

Начальник кивнул. Он пока только привыкал к специфике работы и, сказать по правде, совсем не стремился на это место, но старшие товарищи сказали – надо, Фрэнк, иначе там окажется враждебный нам ублюдок. И пришлось соглашаться. Ну, а что ему оставалось?

8

Зазвонил будильник и тут же замолчал, когда жилец прихлопнул его рукой.

Открыв глаза, Роджер с удивлением обнаружил, что трещины на потолке не прыгают из стороны в сторону, как обычно бывало, а это значит, что впервые за долгое время он не набрался по самое некуда и пришел домой трезвым. К чему такие потрясения? Что с ним случилось накануне?

Поднявшись, он прошагал к ванной и, взглянув в поцарапанное зеркало, отметил, что мешков под глазами почти нет, а значит, он действительно пришел домой трезвым.

По привычке Роджер снял с полочки таблетки, поддерживающие печень, но, уже отвинчивая крышку, включил команду «отставить» и убрал таблетки на полку – сегодня они были не нужны.

– Ах да, вспомнил! – воскликнул Роджер, выходя из сортира. – Старина Янгер навещал меня!..

И это так подействовало, что Роджер сбежал из заведения задолго до закрытия.

Янгер источал сладкий яд, предлагая вернуться, и, видимо, надеялся прихватить самую уязвимую – подбрюшную часть любого отставника – пообещать возвращение в штат. Это, конечно, было бы идеально, никто не хочет быть вонючим внештатником, однако Роджер понимал, что время для нежностей миновало, и теперь в переговорах с конторой следовало быть тверже гранита.

Собрав кучу грязных вещей, он зашвырнул их в вечно голодную глотку стиральной машины и принялся торопливо одеваться – опоздай он хоть на минуту, и не видать досрочного освобождения – выхода из отдела, даже при перевыполнении плана.

Молли Райнер не делала послаблений, если он опаздывал, а потому приходилось досыпать в автобусе, а завтракать чем придется по пути на службу, потому что дома сломалась электропечка.

Года полтора уже как сломалась, и ничего нельзя было поделать, потому что Роджер вспоминал об этом лишь утром, когда требовалось разогреть замороженный бутерброд, который уже два года валялся в морозильной камере.

Столкнувшись с этой проблемой, он швырял каменный бутерброд обратно в морозилку и, накинув мятый пиджак, выскакивал из квартиры с намерением вызвать ремонтника, но всякий раз забывал, поскольку кошка жильцов с нижнего этажа снова перебежала ему дорогу. Или это был шпиц? Но всякий раз кто-то перебегал – это факт. Приходилось перепрыгивать через него и лететь вниз по заплыванным лестничным пролетам.

В это утро в их подъезде ему навстречу выскочил новый жилец с третьего этажа – бывалый, но еще не ученый. Он держал в руке армейский штык и бессодержательно тряс головой, что свидетельствовало о начальной стадии ломки – наркоману требовалось зелье, и он был готов на все.

«Неученый», – подумал Роджер, вышибая у новичка штык, а потом прикладывая того лицом о стену.

Наркоманы не дружат с памятью, и ему случалось повторять эту процедуру по несколько раз, пока его начинали узнавать и прятаться еще до появления. А иначе никак – специфика района.

На остановке было чисто – наблевать никто не успел. Подошел автобус, и Роджер вскочил на переднюю площадку. Прикоснулся картой к треккеру и получил разрешение ехать еще семь остановок.

Транспорт плавно тронулся и заскользил по выделенной полосе, снося выброшенный на дорогу мусор.

Обычный водитель обязательно бы его объехал, но автобусом управлял робот, а в кабине сидел манекен-имитатор. Какие-то умники, пробравшись в кабину, написали на его плече «мудак».

Добравшись до работы, Роджер попытался быстро проشمыгнуть мимо проходной, наскоро приложив пропуск к приемному устройству, но уже возле лифта вспомнил, что Тиккер сегодня сменился, значит, бояться нечего. А до завтра он придет в себя и сумеет достойно ответить на возможные подколы старшего секьюрити.

Открылся лифт, Роджер сделал паузу, проверяя, нет ли там мисс Кьюзак, и только потом зашел следом за чернокожим парнем из отдела поддержки.

– Здравствуйте, сэр, – кивнул тот.

– Привет. Только никакой я тебе не «сэр».

В этот момент лифт остановился, Роджер выглянул и лишь потом выскочил в коридор, успев подумать, что таким поведением наверняка удивил этого айтишника.

Лифт ушел, и Роджер перешел на шаг – спешить уже было не нужно, в запасе оставалось целых семь минут. У двери в офис стоял Лиговский, рыжеватый парень со стола в самом конце офиса. От него всегда пахло жареными колбасками и пивом, хотя выглядел Лиговский, как бегун на длинные дистанции.

– Привет, Родж.

– Привет, малый. Мамаша уже на месте?

– На месте. Сидит, бумажки перебирает в своей загородке.

– А ты здесь чего?

– Бройлеру проспорил, – вздохнул Лиговский.

– А, ну понятно, – сказал Роджер, не собираясь погружаться в чужие проблемы, и толкнул дверь в офис.

– Привет, Молли, – поприветствовал он начальницу отдела, но та, против обыкновения, не просто кивнула ему, а вдруг призывно замахала рукой.

Роджер огляделся – на него в офисе никто не обратил внимания – и короткими шагами засеменил к загородке, он знал, как нужно двигаться, чтобы быть незаметным.

Молли молча указал на стул, Роджер сел.

– Короче, Роджер, я предлагаю тебе стать начальником нашего отдела.

– Э-э... А ты куда? – не понял Роджер. – Беременная, что ли?

– Да с чего ты взял? – возмутилась Молли. – Нет, ну мы с Прентисом, конечно, планируем ребенка, но не сейчас. Меня переводят на повышение, Роджер, и все благодаря тебе.

– Я-то тут при чем?

– Так ты же шпаришь, как конь, у нас отдел по выработке всегда в плюсе. Вот они и решили, что дело в моем руководящем, блин, гении.

Молли вздохнула, поведя могучими плечами.

– Давай, а, чувак? Ты сможешь.

Роджер вздохнул. Ну и неделька выдалась. Сначала Янгер, теперь вот Молли, и везде нужно принимать решение.

– А я могу подумать?

– Пару дней можешь.

– Да, пару дней мне хватит, – ухватился за эту отсрочку Роджер, но уже знал, что не вынесет полный рабочий день даже в качестве начальника отдела. Это было выше его сил.

– Ну ладно, я тебе сказала, и ты, надеюсь, услышал, теперь иди работой.

– Ага, пошел.

9

И Роджер принялся за первый отчет из четырех подброшенных ему Молли. Она что, думала, что он сделает их до обеда?

Роджер оглянулся, посмотрев на перегородку, но Молли сидела с мечтательным видом и глядела куда-то в потолок, покусывая корпоративный карандаш.

«Планы строит», – угадал Роджер и принялся суммировать цифры, вычитать проценты и удерживать пеню. Да, все это могла сделать и программа, но, делая это «вручную», Роджер разминал мозги и вообще, ему нравилось влиять на процесс. Да, существовали проверочные программы, которые, в свою очередь, тоже требовали проверки и отдельных выводов. Но выводы Роджер писал сам, еще до того, как программа, сбегав на сервер, получала разрешение на дальнейшие действия.

«А ведь ты, сука, гений», – сказал ему как-то главный специалист программной поддержки, длинноволосый и давно не мытый парень, обитавший где-то в подвале среди своих серверов.

Роджер спускался к нему один раз, когда заявка по восстановлению сети не удовлетворялась в течение двух суток.

Молли сказала: ну-ка разберись, у тебя морда что надо. Ну, Роджер и пошел. Оказалось, что у них там рухнул какой-то шкаф с аппаратурой, причем в пятницу вечером, когда все нормальные работники были уже дома, обкуренный дежурный валялся в сортире, а бодрствовал только этот парень с длинными волосами.

– Ты кто? – спросил он тогда, не отрываясь от монитора и вбивая в клавиатуру очередную непослушную букву.

– Я с четвертого этажа, отдел бухгалтерской алгоритмики и дифференциации.

– Как погоняло?

– Роджер.

– Я не про «роджер», я про погоняло. Нейм-ник у тебя имеется, содружество?

– А, это... «Спилджестмарвендрик».

– Ага, сейчас. Да, имеется такой парень, штрикает выводы быстрее команды с четвертого сервера. Ты что, в «до-до стрикт» выхаживаешь?

– Чего? – не понял тогда Роджер.

– В сетевой математической олимпиаде участвуешь?

– Чего? – снова удивился Роджер. И тогда длинноволосый отставил все свои дела, посмотрел на Роджера и сказал: «А ведь ты, сука, гений».

Сам не заметив как, Роджер закончил проверку отчета и, дав программе возможность проверить его выводы, поднялся, чтобы сходить в туалет.

До обеденного перерыва оставалось около часа, и можно было не спешить – он укладывался в собственную схему: выйти за сорок минут до обеда и дернуть в сторону «Гранджера».

В туалете он увидел двух сослуживцев, Гарванстера и Авано Ачосу, черноголового парня с чудовищным провинциальным произношением.

Странно, что он попал в отдел проверки, при его-то талантах.

Коллеги курили «раст», закрученный в твердые копии отчетов, отчего дым поднимался к потолку и пожарным датчикам, заблаговременно заблокированным мокрыми носками. Но кто же смог дотянуться до такой высоты?

– Эй, Роджер, скажи, камни могут говорить? – спросил Гарванстер, затянувшись так, что его уши уменьшились наполовину.

– Дан бубу... – ответил Роджер, останавливаясь напротив писсуара. В его подъезде наркоманы плодились, как грибы после дождя, и он выработал подходящую манеру общения с

ними. Выдавал им что-то похожее на слова и, пока они обдумывали, шел своей дорогой. Наркоманы, блин, грачи общества. Их дело ловить червей, а дело общества эту землю вспахивать.

– Чего пахать, чувак? – переспросил Авано Ачоса.

– Вот, блин, опять лишнего выдал, – пробормотал Роджер, застегивая штаны. Сполоснул руки под краном и вышел вон, чтобы не отвечать на вопросы вроде: а точно цифровики питаются алкоголиками?

Может, и питаются. Только где они, эти цифровики? Он знал только одного парня, который, по словам Тони, пасся в «Гранджере» уже полгода. Роджер попытался вспомнить его лицо – безжизненные черты, жалкая пародия на предновогоднюю маску.

Выйдя из туалета, Роджер пригладил волосы и с чувством исполненного долга направился к лифтам.

От этих опостылевших полов до порога «Гранджера» его отделяли минуты. Всего лишь.

Роджер правил уверенно, как головной корабль эскадры, но вдруг увидел выходящую из лифта мисс Кьюзак, которая переставляла свои удивительно длинные и красивые ноги так, будто это был просто способ передвижения.

Она держала перед собой папку, поправляя в ней какие-то бумаги, и у Роджера оставалось совсем немного времени, чтобы незаметно сбежать, превратиться в кирпич, слиться с окружающей средой и не отвечивать. Он был опозорен вчера, и сегодня ему ничего такого уже не хотелось. Он полагал, что после героической победы над очередными отчетами он заслужил к себе уважение, однако мисс Кьюзак о его героизме не подозревала и шла на всех парусах, да так быстро, что у сбежавшего Роджера заняло в пояснице.

Никогда еще он не отступал, испытывая при этом удовольствие.

«Неужели я извращенец?» – в ужасе подумал он.

Несмотря на быстрый бег Роджера, Пенелопа Кьюзак успел заметить его поясницу. Хлопнула дверь на лестницу, и стало тихо. Мисс Кьюзак подошла к зарешеченной двери и выглянула на лестницу, но там, разумеется, никого уже не было.

«Вот урод», – подумала она, вспоминая перекошенную рожу этого самого... Как его там? Она ведь специально узнавала его имя... Вуйначек!..

Вспомнив фамилию ублюдка, младший партнер Кьюзак наведальась в шестой отдел разделений рискованных покрытий, выяснила то, что ей было нужно, и напрямик направилась к Мэту Кехлеру, одному из старших партнеров фирмы.

Маньяк с четвертого этажа достал ее окончательно. Ну не в полицию же звонить, в конце концов?

10

Мэт Кехлер был главной движущей силой Пенелопы Кьюзак, ведь это он после знакомства с досье сумел разглядеть ее потенциал и вовремя выхватил из команды городского прокурора.

Ну что ей там светило? Кое-что, конечно, светило, за ней были закреплены двенадцать полицейских участков из пятидесяти восьми – тамошнее начальство тоже не ботинком колу хлебало и продвигало вперед только лучших, а Пенелопа была лучшей. Однако городская казна имела свои ограничения, но вот у «Кехлер и Янг» возможности были пошире.

Пенни показали цифру с пятью нулями, обозначающую месячный оклад плюс процент младшего компаньона, и она не думала ни секунды: ведь ей это предлагал не кто-нибудь, а воротилы бизнеса – «Кехлер и Янг».

После беглого пересказа ситуации Мэт тотчас встал на ее сторону.

– Да он просто козел, прости меня за выражение, Пенни.

– Я не хочу никого оскорблять, сэр, поймите меня правильно, но мне нужно работать и не бояться, что меня в коридоре будет преследовать какой-то урод.

– Урод, без вопросов. Мы завтра же его уволим, потому что ты для нас, как драгоценный бриллиант, на который покусился этот грязный воришка. Через два дня в пятницу, это будет конец недели, он станет искать себе пропитание на помойке.

– Ну вот и хорошо, – согласилась Пенелопа. Ей не очень нравилось то, что она только что сделала, но это парень казался ей опасным. Вот и сегодня... Да, сегодня он от нее просто сбежал, вместо того чтобы отвесить парочку своих фирменных «шуточек». Видимо, у него сменился этот, как его... Анамнез?

А в это время Роджер вприпрыжку двигался по бульвару Ле-Борн, улыбаясь каждому прохожему. Он был доволен, что выскочил из очередного рабочего дня, и впереди его снова ожидал бесконечный незабываемый и непредсказуемый вечер. И что самое главное – ему на это вполне хватало его приработка, и даже оставались какие-то крохи на выходные, когда он мог, если бы захотел, заказать себе настоящий кремовый торт.

Когда-то он их очень любил, до ранения, когда пуля прошла, чуть коснувшись печени. Два сантиметра ниже и – привет. Но обошлось, спасибо дрожащей руке Янгера.

В системе учили «тройке» – три выстрела, три главных жизненных центра. Но первые два Янгера вообще отправил в «молоко» и только третью пулю уложил близко к цели. Однако – обошлось.

В «Гранджере» дым стоял коромыслом, и посетители падали в нагоняемую генераторами пену, что-то там крича во славу то ли новобрачных, то ли пары загостившихся геев.

Роджер пробрался к стойке и увидел Тони и двух помощников, которые носились со скоростью молнии, отпуская коктейли, не встряхивая, и лишь помечали время касания банковских карт к приемному устройству.

– О, Роджер! – воскликнул Тони, которому эта обдолбанная публика уже перестала нравиться, хотя и сбрасывала деньги на его счета практически без всякого контроля.

– Привет, камрад, – отозвался Роджер, взбираясь на табурет, с которого только что упал один из гостей. – У вас сегодня жатва?

– Отжимаем по полной, я даже помощников вызвал, усекаешь? Гомики женятся, уродов два полных зала, я им уже сладкую воду со спиртом продаю как «зеленый фонарь», врубаешься?

– Гребут?

– Не то слово. Они уже пытались меня снимать, говорят, что я милый. А помощников даже за задницы хватили. Ахтунг по полной программе!

- Война.
- Передовая, блин, и куда бежать – непонятно!..
- Понимаю, – кивнул Роджер и снял с плеча руку одного из гостей бара.
- Как твои-то дела? Не вижу прежнего блеска в глазах.
- Лучше не спрашивай. Дай чего покрепче, пойду, пообщаюсь с цифровиком. Сегодня это самый безопасный способ провести у вас вечер.
- Правильнее не скажешь, мы даже в сортир ходим только по двое. Они там в три яруса развлекаются, хорошо бы поджечь эту сволочь.
- Налей чего попроще, цифровик парень нехилый, если что – прикроет.
- Не вопрос, Роджер. Есть водка с финиковым сиропом – просто, тупо и полезно.
- Не возражаю.

11

Вокруг раскачивались, падали и вздымали к потолку руки непонятные существа. Они не подчинялись основному протоколу общества, и это будило в «праймерс-12-36-18» неприятные воспоминания, которые в его собственном протоколе скорее назывались ассоциациями.

Следуя новому протоколу, он регулярно посещал это заведение, поскольку туземные объекты поступали именно так. «Праймерс-12-36-18» приходил сюда «после работы», как делали местные, и заказывал спиртосодержащие растворы, которые здесь почему-то были в большом почете.

«Праймерс-12-36-18» не мог понять почему. Его адаптационная программа создавалась, что называется, «на коленке» и многие важные моменты были упущены, поэтому что делать в том или ином случае «праймерс-12-36-18» знал, но почему следовало делать именно это, он даже не догадывался – сопутствующий программе архив был либо потерян, либо его не создавали вовсе.

Эвакуация происходила в такой спешке, что те, кому посчастливилось выжить, были рады оказаться в незнакомом мире в перестроенном состоянии. И хотя это было мучительно трудно, они оставались жить, в то время как основная часть населения сгорала в протуберанцах тысяч очнувшихся лабораторных солнц.

Да, чужой мир был странным, и чтобы удержаться в нем, беженцы проходили процедуру «упрощения». Лишить их всех векторов восприятия было невозможно, но если они хотели удержаться на этой планете, закрывать избыточные информационные каналы следовало в обязательном порядке. В противном случае, шок и распад личности.

«Праймерс-12-36-18» по привычке все еще пытался включать пять векторов, но ему отзывались ощущения только трех из них.

Неожиданно к нему за столик сел один из туземных объектов традиционного протокола, и поскольку «праймерс-12-36-18» не знал, как нужно реагировать на приближение туземных объектов на контактную дистанцию, он наобум сделал несколько неопределенных движений, а также подключил мимические мышцы лица.

Действовал он интуитивно, полагая, что в дальнейшем сумеет создать свой собственный архив реакций и поведенческих шаблонов.

– Как дела, фанерный? – спросили его. Незнакомец поставил на стол сосуд со спиртосодержащим раствором и улыбнулся, оголяя половину кальциевых платформ, служивших местным для измельчения грубых продуктов и последующего их расщепления в весьма запутанном внутрительном реакторе. Кишечник! Да, именно так назывался этот реактор.

– Дела – нормуль. Сам-то как?

– Боремся, приятель, боремся, – сказал Роджер и приложился к бокалу. Тони был прав – тупо и полезно. В финниках полно витаминов.

– Я знал, что когда-нибудь кто-то сядет за мой столик...

– Ясен пень, приятель, – расплылся в улыбке Роджер, снова делая глоток водки с фиником.

– Почему эти субъекты не придерживаются общественного протокола?

– Ну, как тебе сказать...

Роджер покосился на разогретую алкоголем визжащую толпу.

– Они были бы рады, но не получается. Дисфункциональный посыл сильнее протокола, в этом вся проблема.

Цифровик кивнул.

– Меня зовут Роджер, а тебя? Имена у вас имеются? Что-нибудь кроме инвентарного номера?

– О да. Я – Петер.

– Хорошо. Что ты пьешь, Петер?

– Э-э... Кажется, что-то со спиртом, и немного красителей.

– Это все, что ты можешь сказать? – усмехнулся Роджер. – Ты совсем не торчишь?

– Торчишь? Торчать – выделяться из чего-либо. Я не понимаю.

Роджер снова хлебнул коктейля, посмотрел на пляшущую толпу и подумал, что, возможно, Петер ему ближе, чем все эти – в люрексе и лосинах.

– Я так понимаю, что ты в выпивке ни уха ни рыла?

Петер выдержал паузу в пару секунд и утвердительно кивнул.

– Я хочу выглядеть, как вы, но, видимо, не получается...

– Это потому что не торчишь, – повторил Роджер, у которого с этим был полный порядок.

– А вы не могли бы посмотреть на меня?

– Я и так смотрю на тебя, парень.

– Нет, посмотрите, пожалуйста, прямо в глаза...

– Ну, изволь, – пожал плечами Роджер и попытался сконцентрировать уже нетвердый взгляд на зрачках цифровика Петера.

– Благодарю вас, – кивнул новый знакомый и сделал знак занятому бармену. По такому случаю Тони бросил работу на помощников и подошел к необычному посетителю.

– Скажите, директор, у вас есть кварцевое стекло и немного плавиковой кислоты?

– Кварцевое стекло имеется, но это старый бокал – остатки давнишнего набора. А что такое плавиковая кислота, я не знаю, – развел руками Тони.

– Хорошо, тогда, может быть, техническая жидкость «стилбойт»? Или средство от черных муравьев «хозяйюшка-турбо»? Они содержат этот компонент.

– За техническую жидкость ничего сказать не могу, но средство от черных муравьев точно имеется. У нас одно время они из подсобки сахар-песок таскали. Четыре миллиарда муравьев выносили пятидесятидолларовый мешок по одному кристаллику за одну ночь. А в чем дело, мистер, как вас там?

– Его зовут Петер, – подсказал Роджер.

– Да, мистер Петер, чего вам эти муравьи дались?

– Разбейте бокал, Тони, посыпьте его в коктейль из обыкновенной воды и добавьте столовую ложку «хозяйюшки-турбо». Все это принесите сюда, как коктейль, и я вам заплачу.

– Вот это тема! – поразился Тони, но быстро сориентировался. – Сейчас все будет доставлено, уважаемый Петер.

Тони убежал, и Петер сразу потерял к Роджеру интерес, посматривая на свадьбу неформалов.

Бармен вернулся быстро, доставив высокий стакан с осколками на дне и высокой розовой пеной – следов применения «хозяйюшки-турбо».

Роджер испытующе посмотрел на Петера, ожидая его реакции. Тони тоже не отходил далеко, надеясь на перспективы в плане обслуживания и других цифровиков – с каждым годом их в городе становилось все больше.

А Петер приложился к новому коктейлю и потянул его через трубочку. А когда она, задымившись, слиплась, отбросил в сторону и выпил весь «коктейль» до дна, сплюнув напоследок в бокал несколько зелено-кварцевых стекляшек.

– И что, теперь ты заторчал? – уточнил Роджер.

– Да, теперь это самое слово, – улыбаясь, согласился Петер, который теперь выглядел почти, как Роджер.

Тони быстро сбегал за второй порцией и поставил перед Петером.

– И что, ты по моим глазам понял, сколько нужно стекла и шампуня в этом коктейле? – уточнил Роджер.

- Да. Но не по глазам, а по длине излучаемой тобой волны.
- О как! Ну давай, чокнемся, что ли, только не сильно, чтобы твоя бурда мне в бокал не капнула! Мы к такому непривычные!..
- Они чокнулись и выпили, становясь понятнее друг другу.
- Слушай, а это правда, что у вас раньше щупальца были? Вы вообще в какой среде жили – в воде или на воздухе?
- Щупалец не было, – улыбнулся Петер. – Воды не было, воздуха тоже.
- Ну хоть какой-то там аргон, может быть, или даже фтор, а?
- Давай не будем поднимать эту тему, приятель, – сказал Петер.
- Больно вспоминать?
- И это тоже, но больше я беспокоюсь за твой рассудок.
- А что не так с моим рассудком?
- Если я стану пытаться объяснять, кем мы были раньше, ты съедешь с катушек.
- С катушек?
- Да, точно.
- И что, никто тебя не может понять, кроме твоих собратьев? – спросил Роджер, замечая, что выпивки осталось на один глоток.
- Ну почему же? – Петер оставил бокал и наклонился к столу, давая понять, что скажет нечто чрезвычайно важное.
- Ну? – спросил Роджер, тоже наклоняясь.
- Мое объяснение мог бы понять один из ваших знатоков теоретической физики или квантовой физики.
- Вот ни хрена себе!..
- Ты не из таких?
- Нет, приятель, я совершенно из других. Но я могу задать крутой вопрос, ты ответишь?
- Тебе – отвечу. Ты первый из местных, кто говорит со мной, как с равным.
- Это хорошо?
- Такие варианты, как «хорошо-плохо», здесь не годятся.
- Почему?
- Потому что вариантов четыре.
- Такого не может быть, – возразил Роджер и стал загибать пальцы, чтобы объясниться точнее. – «Хорошо» – один вариант, «плохо» – второй вариант. И других не наблюдается.
- Наблюдается, если ковырнуть квантовую физику.
- Опять ты за свое.
- А что делать? – развел руками Петер. – Если бы ты знал, как мне у вас тесно.
- В плане... Улицы узкие или квартирка маловата?
- Вот, – горестно кивнул Петер и допил свой коктейль. – Давай поговорим о чем-то, сближающем нас.
- Например?
- Фотосинтез. Как ты относишься к фотосинтезу?

12

Завывая, словно выходящий из пике истребитель, машина-пылесос прошла мимо и продолжила свой полет, старательно всасывая бумажки и прочий уличный мусор. Роджер посмотрел на пустую кабину, где должен был находиться водитель, однако теперь там всем управляла электроника, и рычаги двигались сами собой. Роджер подумал, что это здорово, однако тут же посетовал, что электронные мозги выживают человечество и скоро, возможно, вернувшись в свой бар, он не увидит Тони и будет вынужден выкрикивать номер своего заказа в микрофон.

И не факт, что электронные мозги поймут, что ему нужно.

Пришедший гость осмотрелся и сел за столик Роджера. Тот, даже не взглянув, понял, что это Янгер. Ну, а кто еще мог так незаметно подобраться, кроме бывшего коллеги?

– Я был несколько удивлен, Роджер.

– Ну и заткнись.

– Тони сказал, что ты переадресовал встречу.

– Заткнись, Джоу. Я готов принять твоё предложение, а потому немного помолчи и дай мне попрощаться с такой простой и понятной жизнью.

Роджер вздохнул и одним глотком допил коктейль «Белоснежка».

– Ты принял решение?

– Не хватай так резко, меня стошнит, – скривился Роджер.

– Хорошо, – поднял руки Янгер, понимая, что дело в шляпе. – Я могу заказать себе кофе?

– Да хоть коня в пальто.

Роджер вздохнул.

– И не смей праздновать. Это не твоя заслуга. Совершенно не твоя.

– А чья?

– Молли Райдер. Пошли ей валентинку, она сделала за тебя всю работу.

– Ах вон что! Женщина-босс? – усмехнулся Янгер. – Официант, будьте добры, двойной эспрессо в шершавой чашечке!..

Официант услышал заказ и, кивнув, исчез на кухне.

– Шершавое любишь?

– Я думал, ты спросишь про Молли.

– Нет, с ней все ясно. Она потребовала от меня принять решение – сватала на свое место, а сама пошла на повышение.

– И что ты?

– А что я? Ты же мои досье до корешков выкушал, а наружка все штаны до дыр просидела.

– Ну да, конечно. Ты не любишь бумажную работу.

– При этом считаю тебя уродом и нашу контору неблагодарной.

– Но принял ее предложение.

– Вот именно.

Пришел официант и поставил на стол большую чашку кофе, подложив крохотную цинновочку.

– Как прошло расставание? – спросил Янгер, ловя аромат свежего кофе и старательно экспертируя его составляющие – запах синтетических смол не замедлил проявиться.

– Хреново прошло. Она до последнего была уверена, что я мечтаю перебежать на ее местечко. Ну и самое главное, я был главным пахарем в их сельскохозяйственном кооперативе.

– Вообще-то, проблемы негров шерифа не колбасят, если ты помнишь. Если мы договорились, айда в застенок.

– Зачем?

– Подпись ставить.

- Кровью?
- Это зависит от того, хочешь ли ты попасть в штат, приятель.
- Нет, я предпочитаю остаться свободным человеком и не напрягать твою сморщенную задницу.
- Так уж и сморщенную? – оторвался от кофе Янгер.
- Короче, я тебя спасаю, приятель. Не нужно мне ваших погон и пенсий. Просто дайте хорошие деньги с нулями. Я нули просто обожаю.
- Сколько ты хочешь?
- А сколько ты предложишь?
- Пятьдесят тысяч...
- Тогда я скажу – два миллиона.
- Янгер вздохнул и отодвинул кофе. В нем была подмешена какая-то синтетическая гадость, которую он не сразу распознал.
- Давай начистоту, Роджер, время дорого.
- Давай.
- Мне сказали, максимум – пятьсот. Давай сделаем вид, что мы бились до крови и вышли на четыреста пятьдесят.
- Четыреста семьдесят.
- Да и хрен с тобой, пусть четыреста семьдесят, а в бумагах, если хочешь, будет полмиллиона.
- А зачем мне на бумаге?
- Не знаю, может, для понтов. Девкам будешь показывать – хвастаться.
- Ладно, только перевод сразу после подписи договора.
- Нет, давай иначе. Я даю тебе две штуки предаванса, а главное время пойдет, как только ты отвалишь из космопорта.
- Покажи бабло, – потребовал Роджер.
- Янгер вздохнул и достал пухлый кошель, откуда стал вынимать настоящие чипованные банком банкноты. Это были его личные деньги, и он отдавал их потому, что был уверен – Роджер уже не соскочит.
- Роджер взвесил пачку и, не пересчитывая, сунул в карман.
- Мне это нравится, Янгер. Сегодня бухну, а завтра в полном твоём распоряжении.
- Ага, разбежался. Если бабло в карман положил – поехали в застенки.
- Всего-то закорючка, Джоу? Чего так напрягаться?
- Не закорючка, приятель. Как только ты взял деньги, ты начал работать. Поехали в застенки и прямо в лаб, там тиснем на твою шкуру донесение.
- Теперь вы это так делаете?
- А что, совать патрон в задницу приятнее?
- Не то чтобы очень, но пластик ни одна аппаратура не фиксирует, я катался, как хотел.
- Теперь это в прошлом, уже года три как в прошлом. Сейчас мы просто маркируем шкуру.
- Лазером?
- Лазером.
- А это больно?
- Нет, конечно. Мощности минимальные, чтобы промежуточные сканы на таможе ничего не засекли.
- Это умно.
- Я же говорю, с момента твоего бегства многое изменилось.
- Я не бежал, меня вышибли.
- Да какая разница?

– Большая, Джоу. Очень большая. У меня задница до сих пор побаливает от этого пинка, хотя отправили на армейскую пенсию. Формально – без обвинений.

– Ну так пожалуйся мне, Роджер, я до сих пор не знаю, за что тебя вышибли, – предложил Янгер, отодвигая свой фальсифицированный кофе. – Все, что я слышал, – разбазаривание секретной информации.

Роджер замотал головой.

– Нет, приятель, что было – то прошло. Вышибли, и ладно. Давай, допивай пойло, и поехали в обезьянник. Я хочу сегодня же получить на шкуру этот ваш материал и выслушать навигационный маршрут. Куй железо, пока горячо, майор.

– Да, капитан, я помню. Поехали.

Янгер бросил на стол мелкую купюру, встал из-за стола, и они с Роджером направились к запаркованной неподалеку казенной машине.

13

Вид серых стен, бежевых панелей и кабельных коробов под потолком пробудил в Роджере давно забытые ощущения.

Воздух был осушен кондиционерами, объемы прощупаны сканерами, и даже морды сержантов на входном контроле почти не изменились. Те же широкие плечи, те же сломанные носы и решимость в глазах.

«Хорошо, что хоть здесь что-то не меняется», – подумал Роджер, чувствуя под языком покалывание от ионизированного воздуха контрольной камеры.

– Проходите, сэр!

– Спасибо.

– Ну и как тебе? – спросил его на той стороне Янгер, заметив перемены на лице Роджера.

– Хотел бы соврать, но тут не пройдет.

– Не пройдет, Роджер. Позитивные ассоциации?

– О да. Это как в школе – первого сентября ты рад встрече с товарищами, улыбаешься учителям, заглядываешься на подросших девчонок, но через месяц посылаешь все это подальше, и снова хочется на каникулы.

– Да ладно тебе. Давай за мной, пока на каникулы не захотелось.

Они прошли к лифту, поднялись на пару этажей и вышли в коридор, где пахло антисептиками.

Роджер заволновался – никому бы не понравился подобный запах, свойственный операционным и травматическим пунктам.

– Это не для нас, не обращай внимания, – сказал Янгер, уверенно шагая по длинному коридору, и Роджеру ничего не оставалось, как последовать за ним.

Внутри владения службы оказались заметно больше, чем это выглядело с улицы, и Роджер об этом знал. Наружные постройки, выглядевшие как отдельные, на самом деле были соединены в единый комплекс и занимали едва ли не целый квартал.

Одна дверь, другая, третья, и они вошли в лабораторный зал, где, к облегчению Роджера, совсем не пахло дезинфекцией и строгими докторами.

– Проходи к панели и ложись на стол – руки мыть не обязательно, – с улыбкой произнес Янгер, и двое лаборантов в белых халатах, с закрытыми масками лицами, приветливо помахали пациенту.

– Ты со мной? – спросил Роджер, чувствуя некоторое волнение перед процедурой.

– Я должен отлучиться, – нехотя ответил тот, кивнув на зеркальную панель, за которой – Роджер знал это наверняка – находилось начальственное лицо или целая комиссия, которые наблюдали за процессом маркировки, оставаясь невидимыми.

– Ладно. Передавай им привет.

Янгер отправился на доклад, а Роджер подошел к столу, мало похожему на операционный – скорее на твердую кушетку на приеме у психолога.

Одно время, после увольнения, он ходил к такому мозгоправу и страдал от жесткости его кушетки. Сеансы мозгоправа не помогали, а неприятные ощущения от них запомнились надолго.

– Ложитесь, сэр, – произнес один из лаборантов. Его жесты были приветливы, однако глаза скрывали защитные линзы, такие же непроницаемые, как зеркальные панели, за которыми пряталось всезнающее начальство.

Роджер лег, глубоко вздохнул и улыбнулся подошедшему лаборанту, который включил укрепленный на штанге прибор с мощным оптическим концентратором. Роджер понял, что с помощью именно этой штуки на его шкуру и будут наносить тайное донесение.

«Что ж, я готов», – сказал он себе, понимая, что будет немного больно – покалывание, легкое жжение и все такое. Он был готов к этому, когда ставил подпись в папке Янгера. Неприятная процедура, конечно, но неизбежная. Жаль, что алкоголь почти выветрился, сейчас подошел бы «зеленый фонарь». Ах, Тони, как тебя будет не хватать.

Неожиданно к столу подошла сотрудница без маски и с большим вырезом на груди.

«Вот это формы!» – поразился Роджер, заметив, как колыхнутся при каждом движении ее груди.

– Я могу сделать вам укол, мистер Вуйначек? – спросил она.

– Разумеется, красотуля, для тебя – все, что угодно.

Сотрудница приставила к плечу Роджера инжектор и, качнув напоследок грудью, сделал выстрел. Бац!!!

И еще до того, как что-то почувствовать в голове, Роджер ощутил свою полную беспомощность. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он не мог моргать, даже дышал с большим трудом. Тем не менее из-под стола вышли манипуляторы с захватами и намертво зафиксировали его руки и ноги, а затем вместо концентратора над прикованным к столу телом пациента появился лазерный ризограф.

«А вы, суки...» – мысленно выругался Роджер, понимая, что его подставили.

«Если выживу – убью их всех. И эту суку с сиськами – первую!..»

14

Со стендовой панели из-за зеркального одностороннего экрана было хорошо видно, как дергалось под ударами лазерных зарядов тело Роджера Вуйначека, и временами Янгеру казалось, что на месте вспышек он видит поднимающийся дым.

– Вам с ним придется объясниться по этому поводу, – заметил директор, посасывая потухшую сигару.

– Объяснюсь, сэр. Главное чтобы он после этой процедуры смог ходить.

– Будет ходить, не волнуйтесь. Я вижу, что вы переживаете, но не беспокойтесь, все закончится хорошо. Объясните ему, что благодаря этой процедуре мы получаем четырехмерную защиту, такого до нас еще никто не добивался.

– Насколько я знаю, сэр, после подобной процедуры никто не выживал.

– Выживали, майор, вы ошибаетесь.

– Я имею в виду, что из людей никто не выживал, а про удачу с двумя последними свиньями мне известно.

– Откуда? – Повернулся к нему генерал.

– Слухи, сэр.

– Слухи, – кивнул директор службы и вздохнул. Потом посмотрел на потухшую сигару и сунул ее в наружный карман, снова принявшись наблюдать за извивавшимся на операционном столе Вуйначеком.

– Как-то слишком сильно он дергается, правда?

– Ему больно, сэр.

– Больно-то больно, но я начинаю сомневаться в его физической кондиции. Вы проверяли его?

– Каким образом, сэр?

– Каким-нибудь подходящим. Натравите на него грабителей, посмотрите, как он справится.

– Хорошо, сэр.

– Вот и славно, я пойду. Когда появятся результаты проверки – сообщите.

– Разумеется, сэр. Сразу же.

Директор ушел, и вскоре после этого Вуйначека на каталке повезли в изолированный бокс. Янгер, тотчас спустившись из начальственной ложи, последовал за лаборантами.

Подождав, когда они вышли и заперли стальную дверь с большим окном из бронированного стекла, он подошел к нему и заглянул в бокс, где под изотермическим одеялом лежал Вуйначек.

Хорошо генералу, ляпнул – объяснись с ним, и ушел, а ему придется объясняться.

– Как он, не пережарили вы его? – спросил Янгер.

– Не пережарили, – буркнул лаборант сквозь маску, из-за которой его нельзя было опознать. Вроде это был Френдберг. Маска искажала тембр голоса, поэтому лаборант мог и надерзить, прячась за секретность рабочего статуса. Теперь невозможно было узнать, кто именно работал в ту или иную смену, если сам лаборант не хотел этого.

«Завели, блин, поряточки», – вздохнул Янгер.

– Ну что, может, уже запускать его? – спросил лаборант. – Я с утра не жрамши – четвертая операция без перерыва.

– Запускайте, – кивнул Янгер.

Лаборант щелкнул дистанционным пультом, и тело под блестящим одеялом дернулось.

– Ну вот, он отлично реагирует, показатели в норме, – сказал лаборант, поглядывая на панель приборов, вмонтированных в стену над каталкой с пациентом.

Вуйначек отшвырнул одеяло и соскочил с каталки на пол, но ноги не удержали его, и он упал.

Звука падения слышно не было, как и слов, которые выкрикивал пострадавший.

Схватив легкий лабораторный стул, швырнул его в окно. Стул разлетелся вдребезги, но бронестекло едва дрогнуло, а Янгер стал знаками показывать, что ничего не слышит.

– Пациент бодр, значит, я могу идти, – сказал лаборант и поспешил к ожидавшему его коллеге.

Между тем до Роджера наконец дошло, что его не слышат, и он погрозил Янгеру кулаком, продолжая высказываться в его адрес. Так прошло еще несколько минут, и Янгер разводил руками и пожимал плечами, показывая, что все еще не слышит Роджера.

Когда тот успокоился, Янгер рычагом включил привод звукоизолирующих жалюзи, и голос Роджера стал слышен.

– Открой эту дверь немедленно, Джоу! Не испытывай мое терпение!..

– Мне кажется, ты еще не успокоился, Роджер.

– Я успокоился, морда ты мерзкая! – воскликнул Вуйначек, хлопнув ладонью по бронестеклу. – Это тебе зоопарк, что ли? Открой немедленно!..

– Подожди, давай сначала поговорим.

– Открой дверь, и поговорим!

– Нет, ты все еще не в порядке.

– А как ты хотел, мерзавец, чтобы я был в порядке, если меня жгли прямо без обезболивания?! Ты знал, что так будет?! Знал?!

И Роджер еще раз ударил ладонью по стеклу.

– Нет, Роджер. Не знал. Обычно это болезненная процедура, но не страшнее инъекции, однако начальство решило подстраховаться и ввело дополнительный уровень сложности кода, потому тебя и поджарили. Прости, я правда не знал.

– Даже Веймар не опускался до такого беспредела, хотя, случалось, и подставлял нас!..

– Я могу как-то компенсировать тебе перенесенную боль?

– Конечно, можешь, пристрели своего начальника, и мы в расчете!..

– Это было бы слишком просто, – улыбнулся Янгер. – Мы договаривались на четыреста семьдесят, а будет четыреста девяносто девять.

– Почему не пятьсот?

– Потому что директор настаивал на меньшей сумме. А для релаксации на ближайшие несколько часов вот тебе флаер с приглашением.

С этими словами Янгер приложил к бронестеклу яркий бланк.

– Это «Голубая лагуна»?

– Да, приятель, и нелимитированный счет.

Заметив, что Роджер наконец успокоился, Янгер снял блокировку, и дверь открылась.

– Добро пожаловать на свободу, приятель, и еще раз прими мои извинения. Я знал, что тебе сделают больно, но не знал, что так сильно.

– Ладно, проехали, – сказал Роджер, принимая флаер, потом посмотрел его на свет и кивнул.

– Неужели думаешь, всучу фальшивый?

– А что я теперь должен думать? – спросил Роджер и, обернувшись, посмотрел на каталку с повисшими на ней ремнями.

– Пойдем, я проведу тебя наружу.

– У меня есть временный пропуск в течение трех часов. Или нет?

– Теперь уже нет. Новый директор ввел новые порядки, так что радуйся, что ты не в штате.

– Я радуюсь.

15

Целых три дня! Роджера ожидали три дня отдыха! Да что там отдыха? Полной расслабухи! Такое практиковалось перед каждым заданием, правда, он обычно срезал отдых, чтобы пораньше погрузиться в маршрутные карты, чтобы потом было проще, и точки поддержки, сами собой, проявлялись в памяти без шпаргалки.

На маршрутах всякое случалось, и не всегда было время лезть в какой-нибудь тайник за кодированным архивом маршрута. И в таких случаях собственная память – лучшее подспорье.

Но в этот раз маршрутные карты были еще не готовы, Янгер обещал показать их только через три дня, а значит – хочешь не хочешь, пей, гуляй, отсыпайся и жри пирожные с кофе всю ночь до утра.

Ну, или бухать, хотя это порядком поднадоело. Одно дело стремиться в кабаки, когда сидишь полдня на постылой работе и делаешь вид, что тебе интересно, и совсем другое – осознавать, что можно пить с утра и никто тебе ни полслова. И будильник не протарахтит, и Молли не позвонит и не заорет в трубку, дескать, где ты, мерзавец, полно работы и все такое.

Да, Молли теперь не позвонит – он ее послал. Не буквально, конечно, а дипломатически, через название «Кехлер и Янг». Он сказал, ну их в задницу, Молли, надоели они. И Молли была разочарована, ведь он был главной рабочей лошадью в целом отделе, хотя сам этого не осознавал и не хотел вникать в местные интриги и дразги. А дразги были. В начале службы в конторе его, возле писсуара, даже пытались прессовать какие-то ребята – трое или четверо.

«Чо, больше всех надо?» – сказал один из них, типа, командир группировки.

А Роджер не хотел никому зла и отработал по минимуму, чтобы без больниц и докторов, ребята же не виноваты, что так получилось.

И все обошлось, покашляли с недельку, и все дела. Даже синяков на лицах не было – в основном на теле, Роджер старался быть корректным. Двое потом уволились, ну и хрен с ними, с обиженными, зато остальные стали его друзьями.

Потом неоднократно дергали по пивку – нормальные оказались ребята. Когда все поняли, что феномену-Роджеру по барабану карьерный рост и все такое, его всерьез зауважали даже девчонки, которые совсем не переносили пиво.

Однако теперь весь этот отстой, этот тягучий ил с самого дна – позади. Извините, ребята, следующая станция – вольный воздух! Кислород, короче.

К «Голубой лагуне» Роджер подкатил на такси, теперь он мог себе это позволить, получив две штуки наличными в качестве аванса.

Бросил таксисту десятку «на чай», эдаким хозяином вышел к парадному входу и подал пять риттеров поклонившемуся швейцару. Иначе было нельзя, ведь это «Голубая лагуна», а не хухры-мухры.

Поскольку Роджер приехал засветло, посетителей в клубе оказалось немного – человек пятьдесят на весь тысячный зал. Однако танцы Роджера не прельщали, хотя музыка уже играла и на танцполе дергалась пара каких-то доходяг.

Роджер стремился к безбрежному морю здешних баров, которых в клубе насчитывалось полтора десятка – и все разной тематики. Он искал место, чтобы удобно сидеть и никто не мешал. Самые широкие стулья оказались в тематике «Сеньора-пенсионера» – намек на расплывшиеся задницы и вставные челюсти, но Роджера это не смутило, понты его не трогали. Главное – комфорт и удобство.

Заметив первого посетителя, из подсобки выскочил делано восторженный бармен.

– Что желаете получить, сэр? Постепенный сплав по сладкой ванильной реке или...

– Заткнись и слушай, – поднял руку Роджер. – Не нужно всей этой смазки, давай сразу пройдемся по конкретным запасам. Ты не против?

- Я буду счастлив, сэр, просто смешивать напитки и не чувствовать себя при этом трех-
нущимся идиотом, – признался бармен.
- Вот и чудно. Сбавай мне «зеленый фонарь».
- Оу!
- Что такое?
- Раньше восьми мы его не делаем, сэр, приказ администрации.
- Хорошо, диктуй альтернативный выход.
- «Кальвадос – зеленое яблоко», сэр. Продерет, простите, до самых ягодич. Полеты во
сне и наяву – гарантированы.
- Приятно иметь дело с профессионалом, приятель. Делай, пару минут я еще продержусь.

16

Коктейль проходил за коктейлем, прошло несколько часов, и Роджер решил сделать перерыв, чтобы подышать и осознать, что он пьет в «Голубой лагуне», а не какой-то третьеразрядной забегаловке. Хотя, если честно, ему было без разницы, лишь бы бармен не обманывал.

В зал уже набилось прилично народу, а стоянка клуба была заполнена автомобилями.

У парадного прохладжались человек двадцать, курили, что-то обсуждали и подправляли макияж – даже мужики.

Темнело, поток машин на улице превращался в поток разноцветных огней. В старом центре был только один ярус, и поверх машин светились окна, вывески и информационные панно. Это впечатляло.

Постояв немного, Роджер вздохнул и улыбнулся. Ему все нравилось. Снисходительно взглянув на перекуривающую публику, он двинулся вокруг здания, глядя под ноги и вдыхая ароматы цветов с пышных клумб, которых здесь было навалом, не то что в районе, где находилось его жилье.

Роджер вышел к казенной части зданий клуба, где был фонтан и несколько скамеек, на которых сидело несколько пар. Пройдя мимо них, Роджер вышел с другой стороны клуба и неожиданно наткнулся на какой-то конфликт.

Это были голландеры, их он опознал сразу. Рослые, дерзкие, непочтительные. Они были наемниками на станциях добычи полезных ископаемых. Считалось, что они служат обычными рабочими, однако часто их производственные обязанности выходили за пределы обычной пахоты – голландеры брались за оружие и выполняли особые приказы начальства.

Но в этот раз объектами их агрессии оказалась не деревня аборигенов или провинциальный городок, а пара горожан – мужчина и женщина.

В чем причина конфликта, было неясно, однако голландеры могли найти любой повод. Они чувствовали свою безнаказанность и всегда могли смыться на бесконечно далекий прииск, а руководство компаний-добытчиков не вступало в переписку с полицейским управлением, переадресовывая их запросы в правительство – к министрам, которым эти же компании и приплачивали.

На этом все заканчивалось.

– Чего ты сказал, чмо? Ну-ка повтори?

– Я вам не чмо, милейший, потрудитесь извиниться перед дамой!..

«Ой, ну как можно так разговаривать: милейший, потрудитесь?» – покачал головой Роджер, продолжая шагать по дорожке и намереваясь с ходу миновать место конфликта.

Пятеро голландеров нависли над парочкой попавшихся жертв, словно волки над ягнятами. Они могли их раздавить одним мизинцем, однако одурманенные электронными наркотиками хотели увидеть зрелище поярче и поподробнее.

Роджер заметил вспыхнувший огонек, и в следующее мгновение плазменная струя рассекла лицо мужчины, и он дико закричал. Второй удар, без сомнения, предназначался Роджеру, просто потому, что он оказался рядом. Поэтому, действуя автоматически, он схватил горсть земли с клумбы, швырнул в сторону вооруженного голландера.

Сверкнула вспышка, и, ударившись в облако песчинок, плазма рванула, как пехотная граната, расшвыряв троих голландеров и оглушив еще двоих.

– Ах, какой пассаж... – пробормотал Роджер и, поднявшись, принялся ногами охаживать распростертые тела хулиганов. В этот раз он никого не жалел, списав приступ гнева на шесть порций «кальвадоса с яблоком».

Едва Роджер оставил это занятие и поспешил к входу в клуб, как на парковку опустились две полицейские «экстры», и к месту побоища помчались полтора десятка высадившихся автоматчиков.

– Прошу вас остановиться, сэр, – произнес полицейский сержант, на которого Роджер неожиданно натолкнулся.

– Я ничего не видел, приятель.

– Зато мы все видели, сэр. И не беспокойтесь, вы – вне подозрений, мы видели, что они напали первыми!

Вслед за полицейскими на парковку стали садиться медицинские «экстры».

– Чего же вы тогда от меня хотите, сержант?

– Только ваше подтверждение, сэр. Подпись в протоколе.

Роджер вздохнул, его личная подпись исключалась однозначно. В противном случае ставилась под вопрос его отправка на задание – законами страны запрещалось покидать ее территорию лицам, которые задействованы в следственных или судебных процедурах. К счастью, на этот случай у Роджера Вуйначека имелась запасная личность – специально для таких случаев.

– Где я должен расписаться?

– Одну минуту, сэр, мы обязаны подготовить первоначальный текст.

– Да у них все ребра переломаны! – воскликнул один из прибывших медиков, и Роджер поймал на себе быстрый взгляд сержанта.

Пришлось сделать вид, что отвлечен на рыдающую девушку, то ли спутницу пострадавшего, то ли подружку одного из холландеров.

Роджер не помнил, была ли среди них девушка, но точно знал, что женщине ребра не сносил. В конце концов, у него тоже были свои принципы.

17

По улице продолжал катиться поток автомобилей. Люди возвращались домой или, напротив, спешили развлечься, отправляясь в развлекательные заведения города. Кто-то спешил в бары и рестораны, а кто-то даже в театры.

«Что можно делать в театре?» – подумал Роджер, следя за тем, как сержант с множественными затруднениями пытался выбрать из архива подходящий случаю текст.

Кто-то рассказывал, что и в театрах бывали буфеты, где можно было накатить пару порций и встретить второй акт без страха. Ну, или купить конфет, однако Роджер полагал, что на одних только карамельках в театре продержаться трудно. В театре он, конечно, не был, но кино пару раз смотрел – было дело. И если бы не выдающиеся достижения девок, с которыми ходил в темноту на последний ряд, едва ли досидел бы и до половины.

– Вот здесь, сэр, пожалуйста. Прочитайте сначала текст.

– Я прочитал, давай стилус...

– Вы не успели, извините. Прочитайте на самом деле, сэр, это важно для вас, – настаивал сержант.

Роджер выхватил у него стилус и поставил подпись.

– Но, сэр!

– «Наиважнейшее из вышеперечисленных»! – процитировал по памяти Роджер, и сержант замолчал. Роджер намеревался скрыться в толпе, но неожиданно кто-то схватил его сзади за пояс.

– О, сэр! Огромное вам спасибо! Если бы не вы, они бы уничтожили Говарда!.. Спасибо вам, огромное!..

Роджер уже понял, что его благодарит спутница пострадавшего, которого вместе с хулиганами-холландерами уже увезли медицинские «экстры».

– Да-да, мадам, и вам всего хорошего. Был искренне рад, честное слово...

Роджер попытался сразу избавиться от привязчивой и благодарной женщины, но она не отцеплялась.

– Мы с Говардом собирались зимой пожениться, – бубнила она, волочась следом.

– Поздравляю и все такое, дорогуша, давайте же, наконец, расстанемся друзьями!.. – упрашивал протрезвевший Роджер. В этот момент они оказались у парадного входа под яркими софитами, и ему показалось, что дамочка имеет знакомые черты.

Она и сама, отцепившись от пояса, вскинула голову и спросила:

– Так это вы?

– Да, типа. А ты-то кто?

– Вы не узнаете меня, мистер Вуйначек?

И только здесь Роджер понял, почему эта фифа показалась ему знакомой, поскольку это была сама Пенелопа Кюзак, со всеми своими преимуществами – длинными ногами, короткой юбкой и глубоким вырезом на груди. Мечта любого вменяемого мужчины, однако теперь Роджер себя таковым не считал, он уволился из «Кехлер и Янг», поэтому смотрел совершенно в другую сторону – туда, где свежий воздух, кислород и свобода.

Роджер протрезвел быстрее, чем рассчитывал. Ну что за дела? Он полагал, что эта унылая контора осталась далеко позади, а тут эта Кюзак. Нет, она дамочка вполне ничего себе, увидишь – не забудешь, тем более в таком расстроенном и доверчивом состоянии. Размер сисек и всего прочего заставляет задуматься, кто бы спорил? Но Роджер надеялся оставить все эти богатства в прошлой жизни, почему же не получилось?

– Мистер Вуйначек, мне необходимо выпить, и я дам вам флайер на двоих...

– У меня есть флайер, спасибо. А может, я вызову вам такси, мисс Кюзак?

– Нет, это невозможно, – мисс Кьюзак колыхнула бюстом, и на Роджера накатила волна какого-то дорогого и обаятельного парфюма. – Невозможно, потому что одна я не смогу преодолеть это, понимаете? Они сожгли Говарду лицо, понимаете?

– Я все видел, мисс.

– Ну так... – она всплеснула руками. – Дайте чего-нибудь выпить!

– Идемте, в этом я вам отказать не могу.

18

Роджер привел мисс Кьюзак к тому самому бару, где заправляли «кальвадосом с яблоком». Им пришлось пробиться через запруженный публикой танцевальный зал, да и в «Сеньоре-пенсиоре» тоже было довольно тесно, и здесь на широких удобных стульях возле стойки не нашлось ни одного престарелого джентльмена, только молодые люди слегка за двадцать, а некоторые... Роджер даже усомнился, что им исполнилось восемнадцать.

– Ага, мистер! Время подошло, и я могу предложить вам «зеленый фонарь»! – обрадованно сообщил бармен.

– Да, я готов, – сразу согласился Роджер, забираясь на стул.

– Я хочу сесть с вами... – сказала Пенелопа, но следующий свободный стул находился через один, который занимал какой-то крашеный блондин.

– Приятель, ты бы не перебрался на следующую табуретку, а то моя дама...

– Пошел в жопу!..

– А, ну так даже проще, – кивнул Роджер и сбросил соседа коротким тычком, после чего Пенелопа взобралась на освободившийся стул и улыбнулась.

– Давно не была в хорошем месте, где можно выпить все, что захочется...

– А какие же проблемы, мисс Кьюзак, ведь у вас хорошее жалованье?

– Жалованье хорошее, но Говард был против, дело в том, что мы собирались завести ребенка, понимаете?

– Значит, газированную воду? – попытался угадать Роджер.

– Да уж на хрен, хочу то же, что у вас...

– А как же Говард?

– Он сейчас в больнице, я очень за него переживаю, поэтому мне вот этой дряни, что у вас...

– «Зеленый фонарь», мисс, – подсказал бармен.

– Тогда и мне тоже, и положите лайма побольше.

– Разумеется, мисс, как скажете.

Вскоре перед Пенелопой оказался высокий бокал с зеленоватым напитком, который от брошенного на дно фонарика казался искрящимся жидким изумрудом.

– Это то, что нужно! Сколько коктейлей вы выпиваете за вечер, мистер Вуйначек?

– Зависит от вечера, мисс.

– Пенни, Вуйначек. Не напрягайтесь, все равно вы уволились, притом так неожиданно для меня.

– Почему неожиданно?

– Я намеревалась уволить вас лично, даже предвкушала удовольствие, какое испытаю, увидев вашу перекошенную от удивления и досады рожу. И вдруг вы ушли сами, я была дико разочарована. Почему это произошло, кстати? Вы что-то почувствовали?

Пенелопа потянула из трубочки и поморщилась.

– Просто пришло время уходить, – пожал плечами Роджер.

– Крепкое пойло. Что они туда намешивают – ацетон?

– Вообще-то абсент и кукурузный спирт.

– Таким лучше стены красить...

– Не болтайте, Пенни. «Зеленый фонарь» требует вдумчивого подхода и уважения. Не то...

– Что «не то»?

– Может здорово тебя подвести.

Роджер и Пенни пропустили по паре «зеленых фонарей», и их разговор становился все более неформальным. То, что Роджер уже уволился из «Кехлер и Янг», окончательно раскрепостило Пенелопу, и она уже не стесняясь рассказывала ему самые скабрёзные, по ее мнению, анекдоты, которые когда-либо слышала.

Роджер сдержанно смеялся, но свои анекдоты придерживал, поскольку для нежных ушек Пенни, даже подогретых двумя «зелеными фонарями», они точно не были предназначены.

Неожиданно на освободившийся стул рядом с Роджером плюхнулась длинноногая малолетка в короткой юбке, уже крепко закинувшаяся электронным наркотиком.

С трудом наведя резкость сначала на бармена, потом на Вуйначека, она толкнула его в бок и сказала:

– Хочешь меня, урод?

– Простите? – переспросил Роджер.

– Пойдем в туалет, и получишь такое, о чем твоя старая вешалка никогда не слышала...

Несколько секунд замешательства, в которые провалился Роджер и Пенни, малолетка истолковала как сомнения ее избранника.

– Да ты чо, не веришь мне? Ну-ка, снимай штаны, урод, я тебе прямо здесь продемонстрирую!..

Остановить девушку было некому, полиция здесь отсутствовала, а охранники были заняты на танцевальной площадке, поэтому малолетка сдернула юбку и изящно отбросила ее длинной ножкой.

– Ну что, старушенция, отдашь мне парня или попытаешься встряхнуть своей дряблой задницей?!

Роджер не успел еще принять никакого решения, когда Пенелопа соскользнула со стула и, обойдя его, врезала головой в напмаженное личико малолетке, отправив ее в глубокий нокаут.

– Давай сюда бутылку крепкого! – заорала она опешившему бармену и, получив от него «ноль-семь» желтого рома, дернула Роджера за локоть. – Давай валить, Вуйначек, пока копы не набежали...

– Давай валить, – сразу согласился тот, все еще находясь под впечатлением ее удара головой.

Они взялись за руки и, выйдя из бара, принялись лавировать между танцующими парами на площадке. Пенни шла впереди, держа в свободной руке бутылку.

– А мне интересно, Вуйначек, что такого она хотела тебе показать, о чем я не знаю? – неожиданно спросила она, когда они оказались в холле, среди множества кресел, большую часть которых занимали обдолбавшиеся богатеи.

– Я не знаю, – честно признался Роджер. Он и не подозревал, что два «зеленых фонаря» – это много. В смысле, много для Пенелопы Кьюзак, сам-то он вполне контролировал ситуацию, в том плане, что не сливал в штаны и помнил, где туалет, а на улице – кусты и клумбы. Но, похоже, у женщин все было иначе, особенно у молодых и красивых.

Вскоре они оказались на улице, где все еще катился поток автомобилей, сжигая асфальт жесткими шинами.

– Ты знаешь, что такое секс с мужиками, Вуйначек?

– К счастью, нет, Пенни.

– Почему к счастью? – переспросила она. – Ах да, извини, пожалуйста!..

До Пенни дошел скрытый смысл ее вопроса, и она захохотала, сгибаясь пополам и открывая Роджеру секреты своего глубокого выреза на кофточке. Секреты были приятными и вполне ожидаемыми.

– Ты когда-нибудь пил ром прямо из горлышка?

– Никогда, – с готовностью соврал Роджер.

– Тогда давай откроем это и попробуем. Ты умеешь открывать эти пробки, а? На мой взгляд, сделать это невозможно.

Пенелопа вертела перед собой бутылку и не могла обнаружить ничего, кроме расплывчатой этикетки и пузырей внутри жидкости.

– Давай я попробую, – предложил свои услуги Роджер.

– Попробуй.

Достав ключ от своей квартиры, Роджер в несколько секунд свернул пробку и подал бутылку Пенелопе.

– Ну ты даешь! Просто фокусник!..

– Иногда случалось открывать и так, – улыбнулся Роджер, а Пенни тотчас запрокинула бутылку и стала пить прямо из горлышка.

Впрочем, на много ее не хватило, и Роджер подхватил бутылку, когда Пенни едва ее не выронила и принялась отплевываться.

– Вот это пожар, Вуйначек! Ты знал, что это пойло такое крепкое?

– Откуда, Пенни? – пожал плечами он и принялся отпивать свою дозу. Впрочем, скоро и он закашлялся – желтый ром оказался крепче, чем он думал.

– Я просматривала твои отчеты, Вуйначек...

– Зачем?

– Хотелось выяснить, что ты за маньяк такой – прохожу мне не давал, ты не забыл?

– Увы. Сожалею об этом.

– Честно говоря, боялась даже лишний раз выйти из кабинета, чтобы тебя не встретить. В моих глазах ты выглядел полным уродом, ты в курсе? Ох и отрава... Но в башку ударило основательно, я как будто даже взлететь могу, представляешь?

Пенни раскинула руки и стала кружиться, глядя в небо.

– Не стоит этого делать, – остановил ее Роджер. – Не нужно кружиться.

– Упс! Кажется, я поняла...

Роджер увидел ее глаза совсем рядом, и они оказались такими глубокими, что в них можно было провалиться и еще долго падать. Однако у него были другие планы – на вечер и вообще, на ближайшее время.

Роджер присосался к бутылке и сделал несколько глотков – больше, чем нужно. Потом у него эту бутылку вырвала Пенни, и у них пошло нечто вроде соревнования, как у двух самоубийц, то он вырывал у нее бутылку, то она у него.

– Я никогда... так не... напивалась...

– Я вроде тоже... То есть конечно... Да, напивался, но не помню когда, утром все кошки серы... Даже черны, если это утро понедельника...

– Эта малолетняя сучка... Ик! Она меня задела... Что она имела в виду, а? Йк!.. Она тебе вообще понравилась?

Роджер неожиданно вспомнил цифровика, чем-то этот странный диалог походил на разговор с инопланетянином. Оба произносили какие-то слова, но никто ничего не понимал.

Теперь и Роджеру уже стало казаться, что он может летать. Ох и забористый желтый ром!.. Правда, после таких полетов обычно было очень хреново, о чем свидетельствовал жизненный опыт. Ну ладно он – старый дурак, но эта девочка в короткой юбке, ей, может, лет шестнадцать, а она такое вытворяет.

Роджер был уверен, что целуется с малолеткой.

– Милый, я ведь лучше ее, правда?

– Пенни?

– А кого ты надеялся увидеть?.. Мы сейчас взлетим. Мы точно сейчас взлетим, я чувствую такую легкость...

– Это сегодня, а завтра будет хреново...

– Не будет, я уже вызвала вырезвительную службу.

– Эт-то дорого...

– Не дороже флаера в клуб...

«Это да», – мысленно согласился Роджер.

– Обалдеть, как ты целуешься!..

«Кто это говорит?» – удивился Роджер краем сознания.

– О, Вуйначек, ну какой ты нетерпеливый...

«А как же Говард?!» – ужаснулся Роджер все тем же краем сознания. Он теперь окончательно раздвоился и совсем не контролировал того, второго Вуйначека, который, по последним сведениям, оказался довольно нетерпелив.

– О, милый... О!.. Еще!.. О да, милый!..

Кажется, это была клумба с ячеистой подкладкой и стекловатой вместо грунта. Здесь не было дождевых червей, сюда не добирались кузнечики, однако сдобренные стимуляторами цветы росли и пахли, как настоящие.

«Как стыдно и гадко. Гадко...»

Застрекотала очередная «экстра», распахнулись дверцы, и к пострадавшим побежали сотрудники в лимонных халатах.

– Смотрите, где-то здесь должен быть один браслет на двух персон...

– Вот он, на женщине!..

– Ага. Заберите у мужика бутылку, пока не ударил кого-то.

– Никак вену не найду, посветите на вену!..

Роджер почувствовал боль, когда в руку вонзилась игла. Он всегда боялся уколов, ужас как боялся.

– Может, их одеть? Неужели везти в таком виде?

– Ну одень, видишь, я занят!..

– Ага, вот его штаны...

– Раз-два, подняли!

Роджеру показалось, что он наконец взлетел. Да, взлетел и теперь парил над землей, пока носилки не поставили в салон «экстры». Все же литр желтого рома – дурацкая затея, кто бы что ни говорил.

19

Открыв утром глаза, Роджер какое-то время смотрел в потолок без ощущения каких-то мыслительных процессов. Он только созерцал.

Первые лучи солнца уже проникли в его жилище через мутноватое окно, и теперь в них кружилось несколько самых ранних пылинок, которые порхали в то время, как остальное войско спокойно лежало на полу, на столе и на подоконнике, а еще на одеяле и на выпростанных поверх него руках Роджера. Пыль была повсюду – он не утруждал себя частыми уборками.

В дверь постучали и после паузы постучали снова.

«С работы примчались, – подумал Роджер. – Я проспал, и они примчались. Снова нить будут, стыдить будут. Надоело...»

На удивление легко поднявшись и даже не взглянув в глазок, он открыл дверь и увидел соседа снизу – Йогана Славек, с которым иногда играл в «буру» и шахматы. Бывало, они выпивали вместе, а потом играли. Но выпивали чаще, потому что до шахматного клуба было топтать полтора квартала, а до магазина совсем ничего.

– Ты в порядке? – спросил Славек.

– Да, а что?

– Ты мне вчера вечером долг отдал.

– Правда? И большой долг?

– Пятьдесят риттеров.

– И все?

– Все.

– Ну так радуйся.

– Не могу я радоваться, ты же сказал, что долг никогда не вернешь.

– Почему?

– Цитировал маршала Такеду.

– В смысле?

– «Отдавать долги нужно только врагам».

– И что?.. А, ну да, извини, врубился. Так что ты теперь от меня хочешь?

– Почему ты в таком виде?

– А в каком я виде?

Роджер осмотрел на себя и стряхнул пылинку с рукава своего лучшего пиджака. Правда, под ним была только спортивная майка фанов клуба «Бобры», на ногах – серые носки. А между носками и пиджаком не оказалось совсем ничего. То есть кое-что, конечно было, но это была не одежда.

– Извини, я пойду, прилягу, – сказал Роджер и, закрыв дверь, вернулся в комнату.

Итак, на нем не было штанов. Пиджак от костюма за три сотни риттеров был, а штанов не оказалось.

– Надо думать, надо вспоминать, – сказал себе Роджер.

Отсутствие штанов его не пугало, такое уже случилось, следовало лишь вспомнить – где и когда. Но неожиданно его взгляд упал на стул возле смятой постели, и на нем в прозрачной пластиковой упаковке он рассмотрел те самые пропавшие штаны.

Повод для радости был, но вот упаковка... На ней имелась бирка с регистрационным номером, кодом упаковщика и названием фирмы «Миннели – трезвый взгляд».

– Ах вон оно что! – воскликнул Роджер и засмеялся. Теперь было понятно, почему он не испытал привычного похмелья после передозировки, а ведь передозировка была – с прошлого вечера он совсем ничего не помнил.

Закатав рукав на правой руке, он увидел приклеенный на месте укола пластырь с теми же исходными данными фирмы и растекшийся за пределы пластыря синяк.

Испытав облегчение от факта обнаружения штанов, Роджер озаботился тем, кто оплатил недешевые услуги «Миннели – трезвого взгляда». Сам он никогда не сдавался и стойко переносил все тяготы своего образа жизни, не впутывая в них всяких «Миннели» с их «взглядами», тем более за такие бабки. Но что, если ему пришлют счет на пять сотен за все их облегчения, что тогда?

– Думай, Роджер, вспоминай, – приказал он себе и сел на кровати.

Янгера вспомнить удалось сразу, с его-то рожей это было неудивительно. Потом был флайер в «Голубую лагуну», малолетка с навязчивыми поцелуями, а еще какая-то баба. Да, точно, они еще пили из горла желтый ром...

– Что ж это за баба? – силится вспомнить Роджер. Он был готов послать ей букет, если бы выяснилось, что не он платил фирме «Миннели».

И вдруг...

– Не может быть!

Роджер даже вскочил с кровати.

– Неужели это была она? Да! Точно!..

И он хлопнул себя по голому колену.

Теперь воспоминания полились рекой: он принял немного в баре, потом пошел размяться, потом вроде драка, затем снова бар, выпивка и точно она – Пенелопа Кьюзак, младший партнер «Кехлер и Янг».

– Мы говорили о работе, – вспомнил Роджер и, подойдя к столу, достал из выдвижного ящика коробку мятных леденцов. Мятные он не любил, но под их грудой притаились несколько вишневых и апельсиновых.

– А потом она призналась, что вызвала вытрезвителей! – вслух произнес Роджер, разгрызая леденец. – Точно, она их оплатила, а не я!.. Отлично!..

Довольный собой, Роджер подошел к покосившемуся шкафу, открыл его и нашел спортивные штаны – они сейчасгодились лучше всех остальных. Потом прошел на кухню, включил чайник и, выбрав в мойке самый чистый стакан, поставил на стол. Он собирался выпить чаю.

Обрывки воспоминаний собирались в единое целое, и теперь он вспомнил какие-то разговоры, шутки, смех Пенелопы и даже то, что они перешли на ты. А еще – как крепко ее задела эта малолетка! Кажется, Пенни даже уделала ее одним ударом с правой! Или с левой?

Роджер стал вспоминать, двигая то одной рукой, то другой. Впрочем, совсем не важно. Они расстались лучшими друзьями, и теперь можно было спокойно отправляться на задание, зная, что здесь у него есть красивая и умная женщина-друг. Да, такое бывает, что ни трепали бы самцы с передозом тестостерона.

– В конце концов, Роджер, ты разведчик и все такое. Ты – профессионал.

Чайник вскипел, Роджер налил кипятка в стакан и бросил заварку. Кажется, это был «брусничный сбор» или «кока-кола», по цвету эти таблетки были почти одинаковы.

Какое-то время таблетка шипела и хаотично перемещалась по стакану, то и дело меняя цвет пошла, но потом процесс стал приходить в норму, если не считать пару всплывших вермишелей от быстросупа, который он заваривал в этом стакане три дня назад. Но это пустяк – выбросить пару вермишелей нетрудно. И поджаренный лук тоже, и кусок искусственного мяса. Пустяк.

Лязгнул сигнал «петакома», Роджер подскочил к кухонному приемнику и, нажав кнопку «без видео», ответил:

– Аллеу, слушаю вас!..

– Ты сука, Вуйначек! Сука и мразь!.. – завизжала какая-то женщина, и Роджер тотчас ударил на «отбой», потом попятился и плюхнулся на табуретку.

– Я не должен был этого делать, не должен был... – подавленно произнес он и закрыл лицо ладонями, понимая, что теперь ничего сделать уже не возможно.

Значит, что-то у них все же было. Кажется, она говорила про поцелуи, про его настойчивость, про... Ох, это уже неважно. Теперь она наверняка подключит своих адвокатов. Хорошо оплачиваемых адвокатов «Кехлер и Янг». Адвокатов Роджер не боялся, он мог закопать их в парке «Акведук», если потребуется, но...

Снова лязгнул сигнал, и Роджер был вынужден ответить.

– Да... – выдохнул он, ожидая урагана угроз и оскорблений.

– Ну ты чего, в самом деле, по кнопкам хлопаешь?! Будешь забирать свой долбаный заказ, морда? Пятьдесят пар стиранных и глаженных носок? Три недели лежат! Ну не крыса ли ты после этого, Вуйначек? Двадцать риттеров зажал?..

– Ирина, это ты? – спросил он, узнав голос прачки, которой отдавал в стирку вещи.

– Нет, блин, королева Катерина Сафская. Опять, что ли, обдолбанный и без трусов валяешься?

– Нет, с чего ты взяла?! – воскликнул Роджер, интуитивно прикрывая рукой промежность. – Сегодня же присылай курьера, все оплачу, плюс чаевые и все такое.

– Он уже дважды приходил, а ты прячешься!..

– Я... я уезжал, Ирина. Отдам сотню тебе и ему, давай на этом закончим.

– Давай закончим, – удивленно произнесла прачка и отключилась.

– Уфф, – выдохнул Роджер. – Спутал прачку с младшим партнером уважаемой юридической конторы. Дурак.

Таблетка в стакане успокоилась, и он сделал глоток получившейся смеси – чего-то среднего между чаем и супом трехдневной давности.

– Ты хороший парень, Вуйначек, – сообщил себе Роджер, переходя из кухни в комнату. – И ты напрасно подозреваешь себя в разного рода мерзостях. Ты честный, ты умный и теперь уже по-настоящему востребованный. Перестань хвататься за клочки всего старого, теперь ты снова в струе.

С этими словами Роджер сунул руку в карман пиджака и вытащил скомканные женские трусики.

– Так, – сказал он, бессильно опускаясь на кровать. – Стопудово малолетка подсунула, провокации захотела.

Снова накатила эта тошнотная волна воспоминаний, какие-то всхлипы, стоны, полицейские сирены и журчание воды в унитазе. Не могла малолетка проделать это, Пенни сразу дала ей в лобешник. Хотя та могла сначала тиснуть белье в карман, а потом начать привязываться. Могла? Могла.

Роджер растянул трусики и увидел монограмму «П.К.» – Пенелопа Кюзак.

– Ох, ма... Я не должен был этого делать... Не должен...

20

Где-то в полдень, когда Роджер уже привел себя в порядок, в дверь снова постучали, и он вышел открыть, полагая, что его сосед пришел продолжить разговор, однако это оказался Янгер.

– Ты?

– Дело есть, нужно срочно сгонять в одно место.

– Были уже вчера в одном месте...

– Да, только это немного другое место.

– А чего так?

– Я могу зайти?

– Зайди, – пожал плечами Роджер и посторонился, пропуская Янгера в прихожую. Потом закрыл дверь. – Чего случилось?

– Видишь ли, Роджер... – видно было, что Янгеру не совсем удобно говорить на эту тему. – Дело в том, что курирую операцию я, а пакет кодировки дал директор.

– И что? – делано удивился Роджер, хотя уже понял, в чем дело. Секреты собственной операции кураторы не доверяли никому, ведь тогда они не могли бы отследить концы в случае провала.

– Я должен перезаписать текст по новому коду.

– Да ты издеваешься, что ли?! Снова жечь по живому?!

– Нет, успокойся. Базу нарезали, теперь новый код ляжет легко. Тем более он трех-, а не четырехуровневый. Так что ты точно ничего не почувствуешь, а я буду стоять рядом и держать тебя за руку. Честное слово, Роджер, без всяких шуток.

– Ладно, дай время собраться. Чаю хочешь?

– Чаю? Вот если бы какао...

– Есть и такая версия, «чип-сорок», форматированный, но окраска плотная...

– Давай, – согласился Янгер, и Роджер провел его на кухню. – Как там было вчера, небось оторвался по полной?

– Да уж, – улыбнулся Роджер, но не слишком радостно. С одной стороны, конечно, он не виноват, это все алкоголь, который к тому же покупал не он. А с другой – осадочек остался, мерзкий такой осадочек. – Ладно, ты пей свое какао, а я пойду оденусь. Я быстренько.

И, оставив Янгера на кухне, он вышел, а тот сел на табурет и стал потягивать напиток, стараясь сосредоточиться на его вкусе, а не на том, из чего и как его могли сделать.

Сам Янгер отчасти тоже присутствовал на вчерашней гулянке Роджера, правда, в качестве наблюдателя через посредническое лицо. И этим лицом был некто Хрящ, грабитель из центрального района, которого Янгер нашел благодаря криминальной картотеке.

Генерал Лангарфи отдал однозначный приказ – провести проверку кондиции Роджера, и обойти этот приказ было невозможно, поэтому Янгер нашел этого Хряща, вытащил из пивнухи и предложил пятьдесят риттеров за простую работу.

– Покажу тебе человечка, нужно взять его кошелек и принести мне. Все деньги в кошельке твои, мне нужен сам кошелек и то, что будет, кроме денег.

– А сам-то чего? Вроде не хилый...

– Я на такое пойти не могу – он меня знает.

– Тогда гони сотню.

– Хорошо, но второй полтинник после кошелька.

– Идет, начальник, пойдем. Покажешь своего человечка.

Найти Роджера оказалось нетрудно, он взял фланер, значит, следовало ждать возле «Голубой лагуны». Там он вскоре и появился, в костюме и в приподнятом настроении.

– Вот этот. Подождешь, когда выйдет подышать, и все сделаешь. Я буду в проулке, где договаривались.

– Хорошо, начальник, не вопрос.

И Янгер ушел, немного волнуясь за Роджера как за потенциального исполнителя задания. Возможно, Хрящ был слишком крутоват, и следовало найти бандита поплоче, однако майор знал, что директор службы проверяет все отчеты по Вуйначеку, поэтому халтура тут не прокатит.

Янгер вернулся в проулок возле пивнухи, поставил к стене какой-то ящик и, сев на него, стал смотреть на зажигавшиеся в небе звезды – в это время года быстро темнело.

На главной улице через полквартала шумел транспорт, то и дело проносились кареты «Скорой помощи» и полицейские машины, оглашая окрестности пронзительными сиренами.

Уже почти стемнело, и вдоль переулка зажглась половина от полагававшихся фонарей, остальные побили урки, чтобы было комфортнее.

Из пивнухи выкатили двое каких-то подонков. Они «ботали на фене», врали друг другу про какие-то несуществующие победы над копами и, заметив Янгера, остановились.

– Эй, ты чего здесь делаешь, фраер?

– Валите отсюда, – устало произнес Янгер. Последнюю неделю с подготовкой операции он недосыпал.

Подонки прислушались к инстинкту самосохранения и убрались восвояси, а вскоре с улицы в переулок заскочил Хрящ и зашагал к пивной. Потом заметил Янгера и, приблизившись, протянул смятый полтинник.

– Вот, возьми, ничего не вышло.

– Почему? – спросил Янгер, поднимаясь.

– Не стал я за сотню рисковать – стремно.

– А чего там стремного? – не понял Янгер.

– Ну, я когда выходить стал, прямо на него наткнулся, он пятерых холландеров затрамбовал. А я на такое не подписывался, так что держи свой задаток.

– Не нужно задатка, будем считать, что ты его отработал, – сказал Янгер и, одернув пиджак, пошел прочь.

– Эй, ну нехорошо как-то, чем же я отработал?

– Информацией, Хрящ, информацией. Не парься, иди выпей и забудь, что виделись.

– Ну... – Хрящ пожал плечами, посмотрел на смятый полтинник и, сунув его в карман, пошел в пивную.

21

Пододвинув гостевой стул, генерал Лагарфи забросил на него ноги и расстегнул чуть тесноватый пиджак. За последнюю неделю он снова набрал вес, увлекшись шоколадными пряниками с усилителями вкуса четвертой категории. Да, он знал, что баловство с усилителями до добра не доводит, однако и не подозревал, что они затягивают так быстро.

Пришлось пройти двухчасовую корректирующую программу отвыкания, заплатив врачу за анонимный прием немалые деньги, и вот теперь его к этим пряникам уже не тянуло. Ну, почти не тянуло.

Генерал посмотрел на часы. Он ждал уже двадцать минут, но мог подождать и еще, ведь тот, чьего звонка генерал ждал, был на задании.

Он вернул сигнал с отсечкой, что, дескать, принял к сведению приказ начальника связаться с ним, но, видимо, пока не мог отвлечься.

Лагарфи вздохнул, побарабанил пальцами по столу, и в этот момент зажуужал его персональный коннектор. Полковник включил его на громкую связь – за утечки из своего кабинета он не боялся.

– Это я, сэр, наконец-то освободился.

– Отлично, майор. Мне нужно, чтобы вы с недельку походили за Янгером.

– Надо, значит, походим, сэр. А что, есть какие-то...

– Нет-нет, скорее это для профилактики, чтобы быть спокойным. Ему предстоит кураторство, хочется быть уверенным, что он в порядке.

– Да, сэр, конечно. Доклад раз в сутки?

– Давайте через каждые шесть часов, так будет правильнее.

– Хорошо, сэр. Я подключусь к этому прямо сейчас.

– Вот именно, майор, это я и хотел вам сказать.

Отключившись, Лагарфи посидел еще немного, прикидывая, что он еще за сегодня должен сделать, затем поднялся и вышел в приемную, невольно застав врасплох секретаря Жонао. Тот ударил по кнопке, чтобы погасить на мониторе окно с сериалом, но, что-то перепутав, только прибавил громкости.

– Я отлучусь ненадолго... – сказал полковник.

«...ты уже никогда не вернешься, потому что только она будет манить тебя взглядом...»

«О, не говори так!»

– Да, сэр, я понял. Если позвонят из «си-четыренадцать», что им сказать?

– Скажите, что я раздумываю об их предложении.

– Сенатор Росторн, сэр, он собирался подъехать, чтобы обсудить...

– «...только ты и никто другой!»

– «О, Аманда!»

– «О, Джозеф!»

Генерал сделал вид, что ничего не замечает, и Жонао приходилось делать то же самое, однако это было мучительно, ведь он полгода следил за развитием сюжета и вот теперь был вынужден отвлечься.

– Наври что-нибудь этому сенатору, а я удаляюсь.

– Хорошо, сэр.

Генерал выскользнул в коридор и поспешил к выходу из здания, вновь и вновь перебирая дела, которые за сегодня предстояло выполнить. Сначала важные, потом остальное.

На проходной его узнали, хотя он предъявил резервные документы. А значит, его водитель уже получил сигнал, что босс идет на стоянку, и стало быть, появится возле автомобиля раньше него.

Выйдя на крыльцо, генерал сплюнул от досады. Ну почему его опознали? И как?

Заметив его появление, по углам парковки шевельнулись скрытые в статуях купидонов камеры, отслеживая нервные движения директора службы. Дежурный сотрудник, скрывавшийся за поднятым капотом одного из автомобилей, осторожно выглянул из своего убежища.

Несмотря на отсутствие видимых часовых и высоких стен с колючей проволокой, здание службы было не так уж беззащитно.

Подойдя к своему служебному «Блэкберду», наряженному в лакированную манишку утилитарного семейного «Саабо», полковник обнаружил готового к трудовым подвигам водителя.

– Куда рванем, сэр?

– Кто рванет, а кто и спать завалится.

Генерал забрал у водителя ключи и улыбнулся.

– И что теперь? – удивился тот.

– Вали обратно в дежурку, а я один прошвырнусь.

– Но куда, сэр? – вырвалось у водителя.

– По бабам, разумеется.

– Как скажете, сэр, – нехотя согласился тот.

22

Прежде Лагарфи полагал, что не такая уж это сложная работа – вертеть рулем, давить на педали и время от времени посылать ругательства в адрес других водителей.

Но в реальности все оказалось сложнее, и это ему орали, чтобы смотрел за дорогой, включал повороты и все такое прочее. И что самое неприятное, он довольно быстро обнаружил хвост – микроавтобус с ободраным боком. Тот держался прямо за «Блэкбердом», не напирая на корму, но и не отставая дальше двадцати-тридцати метров.

Коммуникатор в кармане предательски задрожал, показывая, что тоже боится. Генерал был вынужден ответить.

– Мистер Козыревский? – спросил милый женский голос.

– Да, это я, – отозвался Лагарфи, подтверждая свое резервное имя.

– Нам ждать вас сегодня?

– Ну разумеется. Я уже в дороге.

– Принято.

Лагарфи дернул руль, сворачивая в переулок и заставляя микроавтобус с ободраным боком жечь свои тормоза. Преследователь сумел вписаться в поворот и сбросил обороты, ожидая новых маневров Лагарфи.

– Ну ладно, урод, – сказал генерал и остановил машину на дворовой стоянке. Затем вышел, хлопнул дверцей и поспешил в подъезд, на ходу щелкнув в кармане брелоком для подавления камер видеонаблюдения.

Потом нырнул под лестницу и стал ждать.

С момента назначения на должность он еще ни разу не использовал навыков, приобретенных на спецкурсе, куда пришлось кататься в течение полугода. Генерал вспомнил, как трудно было поначалу и как хотелось послать подальше все – и высокую должность, и людей, которые протолкнули его на этот пост. Одно дело – сидеть в удобном кресле, подписывая какие-то бумажки, и совсем другое – наматывать круги на солнцепеке и драться на кулаках с молодыми и сильными инструкторами, которые хотя и поддавались, но, случалось, давали понять, кто тут главный.

Однако позже он за этот курс был даже благодарен, ведь, помимо физической подготовки, с ним работали психологи, помогая, как они выражались, «распрямить плечи». И – да, он их распрямил и избавился от многих фобий, которые преследовали его до этого всю жизнь и которые он давно считал частью своей натуры.

На крыльце шаркнули подошвы, затем пауза, и, наконец, открылась дверь. Лагарфи достал пистолет – он не был намерен шутить, только не сегодня.

На полу проявилась тень преследователя, это был точно он, другой не стал бы так красться.

Лагарфи поднял пистолет и затаил дыхание. Шаг, еще шаг, преследователь появился совсем рядом, и генерал выстрелил.

Пуля отбросила незнакомца к стене, и, ударившись о нее, он сполз на пол, оставив на серой краске полосу крови.

– Кто тебя послал, сволочь? – зло спросил Лагарфи, собираясь сделать контрольный выстрел.

– Я... я... – изо рта раненого шла кровь, и он не мог говорить, только приподнял ослабевшую руку, показав висевший на ней жетон с личным номером.

– Ах, чтоб вас! – топнул ногой Лагарфи. – Я же отказался от охраны!..

Он убрал пистолет и выскочил из подъезда через другую дверь. Теперь ему предстоял разговор с начальником охраны, которого он дважды предупреждал, что отказывается от сопровождения.

– Но почему, сэр? – удивлялся тот.

– Я не собираюсь обсуждать это с вами, капитан Эверетт.

«Значит, все-таки не понял», – размышлял Лагарфи, останавливаясь возле женского розово-серебристого автомобильчика.

Замок легко поддался электронной отмычке, едва полковник притронулся к дверце. Стараясь не поддаваться страхам, метавшимся вокруг, как перепуганные кошки, он сел на слишком высокое кресло, запустил кнопкой двигатель и поморщился, едва вдохнув напоенный духами воздух.

«Поехали», – скомандовал себе генерал, и автомобильчик недовольно замыкал, рыская расшатанными рулевыми тягами и вздрагивая всем корпусом, словно просыпаясь и недовольно потягиваясь после сна.

Лагарфи вывел машину со двора и встроился в поток уличного движения.

– Алле, мистер Козыревский?

– Да, фрейлейн, я здесь.

– Вы помните, мистер Козыревский, что...

– Я уже в дороге, мадам. Буквально вижу крышу вашего здания, – начал сердиться Лагарфи. Разве понимает эта дурочка, что он сейчас чуть не добил сотрудника своей собственной охраны? Лагарфи еще предстояло подумать над тем, почему капитан Эверетт продолжил сопровождение, хотя ему дважды было сказано, что...

Перед машиной метнулась крыса, и Лагарфи дернул руль. Ну откуда здесь эти твари? Куда смотрят власти города?

– Мы ждем вас и напоминаем, что ориентировочные временные границы вашего визита смещаются в следующих параметрах...

Дальше последовала целая цепочка каких-то цифр и голосовых искажений, которых Лагарфи не то что не понял, но даже никогда не слышал.

Впрочем, сейчас генерал меньше всего думал о том, что рассказывает ему этот имитатор женского голоса, он внимательно глядывался в экран панорамы заднего вида – как будто никаких хвостов.

«Порядок», – сказал себе Лагарфи и свернул в очередной дворик, на этот раз – совершенно искусственный. С ложными детскими качелями и макетами припаркованных машин.

23

Он вошел в здание через дверь под неброской вывеской и сразу был остановлен охранником, одетым в полувоенную форму, как множество охранников в этом городе.

– Здравствуйте, сэр. Вы к кому?

– Мне назначено, – ответил Лагарфи, он не первый раз приходил сюда.

– Кто вам назначил?

– Мне нужно в двадцать шестую комнату...

– Вот как?

Охранник заглянул на лежащий на стойке планшет и разблокировал турникет.

– Проходите, вас уже ждут. Оружие оставите на ярусе.

Лагарфи кивнул и пошел по уже знакомому маршруту. В коридорах вполне обычного офисного здания было тихо, лишь где-то в дальнем конце коридора женские голоса обсуждали, куда поставить автомат с питьевой водой.

Добравшись до лифтового холла, он вошел в кабину и нажал нужную кнопку. Кабина чуть покачнулась и загудела, как и в прошлые его посещения, но никакого перемещения не чувствовалось, как будто в механизме что-то отказало. Потом дверцы распахнулись, и в лицо Лагарфи ударил свежий ветер, наполненный запахом нагретых солнцем трав. В прошлый раз, в момент секундных видений, он рассмотрел не больше прежнего – какая-то долина, роща и, кажется, берег моря.

Наконец все закончилось, дверцы распахнулись по-настоящему, и он вышел в коридор, пропахший недорогим дезинфектором из системы кондиционирования воздуха.

– Сэр, у вас есть что предъявить? – задал вопрос охранник, стоявший перед очередным турникетом.

– Да, конечно, – кивнул Лагарфи и шагнул к стойке с выдвижными металлическими ящиками, где можно было оставить оружие и какие-то другие запрещенные вещи.

Пока Лагарфи возился с ящиком, он почти не дышал, закусив губу, чтобы подавить неприятное ощущение. Под испытующими взглядами здешних охранников он чувствовал себя совершенно беспомощным.

– Все? – спросил охранник, когда Лагарфи задвинул ящик.

– Так точно, – кивнул тот и нервно улыбнулся.

Как и в прошлые разы, он ожидал, что охранник захочет проверить, не оставил ли гость что-то запрещенное, но, видимо, охранники верили ему на слово, по крайней мере, Лагарфи хотелось так думать.

– Проходите, сэр. Добро пожаловать.

Лагарфи прошел мимо охранника и наконец обрел способность ровно дышать. Что за людей они ставят в охрану?

Дойдя до двери с нужным номером, генерал толкнул ее и на мгновение оказался во власти очередной осязаемой картины: ночь, звон цикад и где-то внизу, под скалами, приглушенное дыхание океана.

– Как вам наши картины, генерал? – улыбнулся куратор Лагарфи, которого звали мистер Смайли.

– Поначалу было непривычно, но теперь мне даже нравится.

– Для каждого субъекта они свои собственные.

– Как мило. Я могу присесть, сэр?

– Садитесь, конечно, дорогой Лагарфи, и оставьте этот служебный язык. Не нужно никаких «сэров» и «господинов», я – старина Смайли, для вас просто друг.

– Да, сэр, я помню, вы мне это уже говорили, – сказал Лагарфи, которому отчасти даже нравилось чувствовать себя подчиненным таким особам, как этот Смайли. В какой-то мере это снимало с него ответственность, которая его угнетала.

– Итак, с чем пришли, дорогой Лагарфи?

– В ближайшее время нами планируется две операции по переброске информации. Несколько умников из правительства решили воспользоваться нашими особыми каналами.

– Их можно понять, мы не всегда работаем безупречно тонко, – со вздохом произнес Смайли, покручивая в руках нечто похожее на карандаш, но не карандаш. Точно не карандаш, Лагарфи подозревал, что это инициатор какого-то сканера, с помощью которого проверяют правдивость его слов или общую лояльность.

– Да, они постоянно что-то замечают, собирают собственные комитеты, забрасывают нас требованиями принять меры.

– Ну так принимайте.

– Вот мы и принимаем.

Лагарфи привстал и положил на стол куратора клочок бумаги.

– Я тут набросал кое-что. Исходники кода шифрования, имя ответственного за операцию и собственно исполнителя.

– Внештатник? – слегка удивленно спросил Смайли.

– Да.

– Внештатник – это плохо. Смените его.

– Увы, сэр, это невозможно.

– Внештатник будет действовать непредсказуемо, вы же понимаете.

– Он не посторонний для службы человек, семь лет назад был отправлен в отставку, а теперь майор Янгер предложил вернуть его в работу. Поэтому действовать он будет стандартно.

– Что ж, подставлять вас нам не хочется, поэтому попробуем обойтись и этими сведениями.

– Вам нужно лишь незаметно взять перевозчика и считать информацию, код у вас теперь имеется.

– Да, имеется, – согласился Смайли, посматривая в листочек. – Что делать с перевозчиком, он вам нужен?

– Не нужен.

– Я вас понял. Если это все, я вас больше не задерживаю.

– Спасибо, сэр, – сказал Лагарфи, поднимаясь и стараясь сдержать вздох облегчения. – А нельзя ли что-то придумать... Ну, чтобы мне лично сюда не мотаться, ведь это не так просто, за мной следит много глаз.

– Со временем что-нибудь придумаем, а пока не все так просто.

– За вами тоже много глаз? – невольно вырвалось у Лагарфи, и он увидел, как окаменело лицо всегда доброжелательного куратора и как подалась вперед его нижняя челюсть, делая мало похожим на человека.

– Прошу прощения, сэр, это я так, ляпнул, – поспешил извиниться Лагарфи. – Я пойду, всего вам хорошего.

И он торопливо вышел в коридор, чувствуя, как внутри рождается нервная дрожь. Ценой больших усилий Лагарфи удалось унять ее, и он даже нашел в себе силы улыбнуться охраннику, когда забирал пистолет.

На выходе его никто не остановил, и генерал вышел во двор, к «трофейному» автомобилю.

Обессиленно опустившись на неудобное кресло, Лагарфи вдруг почувствовал приступ тошноты, после чего его вырвало на соседнее сиденье.

«Не нужно было задавать вопросов», – подумал он, запуская двигатель. Еще в первую встречу с куратором генерал заметил, что стоило тому перестать улыбаться, как его присутствие становилось для генерала невыносимо мучительным.

24

Когда Лагарфи ушел, Смайли какое-то время еще сидел не шелохнувшись, прислушиваясь к своим ощущениям. Неужели этот червь что-то знает? А может, действительно «ляпнул», что пришло в голову? Это ведь местный термин, люди не могут контролировать собственные мысли, и поначалу Смайли это удивляло. Потом привык, как и ко многому другому, например, к человеческой интуиции.

Теперь-то он знал, что нужно учитывать вероятность срабатывания этой интуиции, но поначалу про интуицию баснаки ничего не знали, и случались досадные оплошности, а пару раз даже полновесные провалы.

Так, может, снова интуиция?

Смайли вздохнул, прогоняя через легкие ненужный ему воздух. И так, «группа А» в центральном правительстве снова начала играть в независимость. Проводят мониторинги, собирают сведения, пишут доносы в Каппу. Ох, ну как все это не вовремя.

Он поднялся из-за стола, подошел к глухой стене сразу за массивным шкафом для карто-теки и, переведя сознание в более привычный режим, увидел телепортационную нишу. Шагнул в нее, он тут же вышел в приемной своего шефа – Рольфа Бегина.

– Кто там? – спросил Бегин, даже не выглядывая в приемную.

– Только я, сэр, – глухо ответил посетитель.

– Я догадался. Заходите, Смайли.

Смайли открыл дверь и вошел.

Его начальник мог себе позволить роскошь находиться в слабо оцифрованном состоянии, и его формы, с точки зрения человека, точно определить было невозможно.

– Извините меня, Смайли, сейчас я приведу себя в порядок.

От размытых форм разошлись зеленоватые лучи, послышалось едва заметное шипение, и Рольф Бегин стал выглядеть, как настоящий человек. Он даже носил усы.

– Я не возражаю против любой формы, сэр, – улыбнулся Смайли. – Так даже приятнее.

– Никаких приятностей, Смайли, мы теперь здесь, поэтому должны подчиняться дисциплине. Закон – он, знаете ли, для всех закон. Присаживайтесь.

Смайли сел, принявшись, как обычно, рассматривать развешанные по стенам портреты каких-то человеческих предков.

– Вы тут как будто в первый раз, – заметил ему начальник.

– О да, сэр, у вас всегда так, – сказал Смайли и телепортировал на стол листок с каракулями своего агента.

– Смайли!.. – воскликнул Бегин совсем по-человечески.

– Извините, сэр. Это моторика мыслей, от нее трудно отвыкнуть.

Он быстро переправил бумажку обратно в карман и, достав ее рукой, привстал и положил на стол.

– Вот это другое дело. Значит, можете, если хотите, Смайли?

– Могу, сэр.

– Ну вот то-то же.

Бегин едва взглянул на бумажку и тотчас откинулся на спинку кресла.

– Опять эта «группа А».

– Опять, сэр. Может, как-то убрать их по-тихому?

– Жолкверы на это очень надеются, Смайли. И опять будет отправлено донесение в Каппу, но уже от их имени. Нам это надо?

– Не надо, сэр.

– Не надо, – вздохнул Бегин. – Поэтому пусть составляют донесения, а убирать мы будем не правительственную группу, а этого курьерышку, но не там, где нас могут подписать на очередное донесение для Каппы, а где-то в пустынном местечке, чтобы, как здесь говорят, комар носа не заточил.

– А что такое комар?

– Спросите чего попроще.

– Когда будет очередная поставка?

– Спросил так спросил... – покачал головой Бегин.

– Мы с таким трудом выбиваем квоты, сэр, а если не получится их заполнять...

– Получится, Смайли, мы обязательно их заполним. Вот только откроем канал и тогда...

– Пока не получается?

– По новейшим сводкам – пока никаких, триполярные зоны заняты врагом. Жолкверы хорошо окопались на позициях, и чтобы выбить их, нужно перебросить один из флотов.

– Хорошо бы «Астру».

– Хорошо бы, но это не нам с вами решать. Мы будем решать то, что нам по силам.

25

В этот раз процедура прошла безболезненно. Ну, почти безболезненно, как и обещал Янгер. Делать ее пришлось в другом лабораторном корпусе, потому что основной был якобы занят. Так сказал Янгер, но Роджеру показалось, что тот отвез его на другую базу, чтобы оказаться подальше от глаз и ушей начальства.

По мнению же самого Роджера, пока он находился среди своих, можно было не заморачиваться. Это дальше, на маршруте, могли начаться проблемы, а здесь все было спокойно.

– У тебя сердечный ритм барахлит и печень надсажена, хотя ты и принимал дешевую турбоочистку, – сказал Янгер, когда они возвращались из лабораторного корпуса в его машине.

– А ты от хвоста отрывался целых полчаса и потом еще крутился на кольце за городом со включенным антисканом, – парировал Роджер в том же тоне.

– Это нормально, ты же понимаешь.

– Понимаю, но хвост был реальный. Надеюсь, это не враги?

– Не переживай, разберемся. За те семь лет, что ты отсутствовал, кое-что поменялось, вот и суют нос не в свои дела разные мерзавцы.

– Си-четыренадцать?

– С чего ты взял? – усмехнулся Янгер, продолжая высматривать в автомобильном потоке подозрительные машины.

– С того самого, майор. У них наружка до сих пор по методике Рональда Грумма работает, один-три-один. А у нас «тропа тигра». Или и это поменялось?

– Нет, это не поменялось, – покачал головой Янгер. – Я думал, ты половину ума пропил за семь-то лет.

– Может, и пропил, только не эту половину. Она же, как вашей лазерной машинкой, прожжена и прошита. Можно пропить какие-то личные воспоминания, а рабочие схемы – никогда.

– Вся эта суета не входила в мои планы, Роджер, я собирался отправить тебя гладко, как по маслу. Небось потребуешь теперь дополнительных гарантий? Захочешь больше информации?

– Нет, ты ошибаешься.

– А что так?

– А то, что эта работа в конторе, эти консервированные сосиски каждый день, эта вонь изоляции от кухонной печки. И так семь лет.

– Неужели сильно прижало? – покосился на него Янгер.

– Прижало. Но понял я это лишь тогда, когда ты мне наличные авансом выдал. До этого не верилось, что удастся сбежать отсюда.

– Но что-то я просто обязан тебе рассказать...

– Что-то расскажи, но много не нужно. Это бывает вредно, сам знаешь.

– Хорошо. У нас в службе засел крот, и, возможно, не один.

– Вот как? – удивился Роджер. – И давно?

– Да кто ж его знает? На то они и кроты, чтобы сидеть тихо.

– И что внутренняя безопасность?

– А ничего. Это неофициальная информация. Из отделов сливают сведения, но приказа к расследованию никто не отдает.

– А что директор?

– Директор играет в политику. Его то и дело вызывают на какие-то комиссии в правительстве или комитеты в военном министерстве. Тем временем сведения уходят, и все косятся друг на друга. Для операций нужна поддержка, а как организовать группу прикрытия, если

команде ничего нельзя рассказывать? А рассказывать надо, чтобы составить план, но если скажешь, кто-то может слить. Жесть, одним словом. Работать стало совсем трудно.

– Я так понял, ты и начальству не слишком доверяешь?

– А когда начальству слишком доверяли, Роджер? Ты представлял маршрутные карты после каждого вояжа?

– Представлял, Джоу, так положено по уставу.

– А сколько процентов правды ты там писал?

– Ну... Кое-что писал. По крайней мере, вписывал реальные личности.

– И у некоторых потом были проблемы...

– Да, бывало, мы подставляли посторонних людей, – вынужденно согласился Роджер. – Зато настоящие контакты оставались целыми.

– Вот и я о том же. Доверять начальству можно, но только с глаза на глаз, в противном случае за дело возьмутся посредники между тобой и начальством. Я вон зашел к директору, а этот педик Жонао смотрит бабский сериал. Представляешь?

– Я тоже иногда смотрю сериалы, когда бухой сильно...

– Но не бабские же, Роджер?

– Да кто их разберет, когда над крышей штормит. Ты меня к самому дому доставишь?

– Конечно, почему нет? Правда, район у тебя дерьмовый.

– Нормальный район, я к нему уже привык.

26

Они подъехали к дому, распугав кошек и вызвав любопытство дремавшего на скамье бездомного.

– Я тебе провожу, – сказал Янгер, выходя из машины следом за Роджером.

– А это что? – спросил тот, кивая на предмет в руках майора.

– Раскладной чемодан. С ним ты поедешь в командировку.

– Подарок в дорогу?

– Что-то вроде этого.

Янгер огляделся.

– Ну пойдем, показывай, где ты живешь.

– Ты уже был у меня.

– Тогда просто иди, а то мы привлекаем внимание.

Когда они уже оказались в квартире, Роджер запер дверь и спросил:

– Этот чемодан не просто так?

– Не просто так. У нас все не просто так, – ответил Янгер и развернул чемодан, вполне обычный – с жестким каркасом и эластичной обшивкой в красно-синюю шотландку.

– Мне нравится, – сказал Роджер, погладив разложенный чемодан. – А в чем фишка?

– Фишка в том, что в крышке прописано то самое сообщение, которое ты повезешь.

– Вот как? А на хрена тогда меня мучили этим вашим трехмерным лазером?

– Не бухти, так положено, – сказал Янгер и расстегнул на чемодане магнитную замкомолнию.

– Кажется, я тебя понимаю. Противник будет искать в одном месте, а сообщение сразу в двух, правильно?

– Неправильно. В трех.

И Янгер подал Роджеру крохотную коробочку с чипом.

– И куда ее девать?

– Просто положи в чемодан с вещами.

– Понятно.

Роджер принял коробочку, открыл ее и, убедившись, что там именно чип, закрыл и убрал в карман.

– Тогда мне нужен еще один чемодан – копия этого. Сможешь достать?

– Не вопрос, а зачем?

– Это уже мои дела, приятель. И триста грамм гексонала.

– Это большая доза, Роджер. Хочешь поквитаться с домовладельцем?

– Нет, это для работы.

– Хотя меня это и настораживает, но ладно – будет тебе триста грамм.

– Банковские карточки, – напомнил Роджер.

– Ты думаешь, я их с собой вожу?

– Думаю, возишь.

– Правильно думаешь, – вздохнул Янгер, доставая из внутреннего кармана три пластиковых прямоугольника. – Вот, держи. Но вообще-то твой выезд через две недели – официально.

– Думаешь, директор в это поверил?

– Не поверил, конечно, он полагает, что диапазон колебаний два-три дня.

– А сам ты что думаешь?

– Теперь уже не знаю, что и думать, Роджер. Копии донесений у тебя, конечный пункт тебе известен, деньгами ты обеспечен – ничто тебя больше не держит. Завтра, что ли, рванешь?

– Еще не знаю, – честно признался Роджер. – Хочу посмотреть, куда ветер дует и как сильно.

– Это твое дело. Ну, тогда я пошел?

– Подожди. Я хотел спросить насчет кода. У кого он сейчас?

– Директор думает, что у него он имеется, – улыбнулся Янгер.

– А на самом деле?

– На самом деле его еще нет.

– Как это?

– А так. Когда прибудешь на место, только тогда сервер соберет нужный код.

– Разве такое бывает?

– Теперь бывает, приятель, только директор об этом не знает. Второй чемодан и «глину» тебе доставят сегодня вечером.

– До шести...

– Почему так строго?

– Хочу смотаться в бар – сказать «до свидания».

– Хорошо, получишь до шести.

27

Курьер от Янгера приперся уже в шестнадцать ноль-ноль. Какой-то левый старикан из настоящей глобальной сети доставки – в куртке с рекламой и все такое.

Роджер получил чемодан в сложенном виде и коробку конфет «Тортильони». Потом расписался в планшете, и старик в модной куртке убрался.

Роджер тут же разложил чемодан и проверил, насколько он похож на доставленный Янгером ранее – они оказались близнецами.

Конфеты проверять не стал, и так было ясно, что там взрывчатка. Роджер определил это по запаху – потянул носом и почувствовал в затылке едва заметное покалывание, значит, вещество было на основе графенов.

Запахи армейских типов взрывчатки вызывали у него легкую испарину, а промышленные образцы на основе композитных кислот – усиленное слюноотделение.

Где-то в семнадцать с копейками позвонил бармен «Гранджера» Тони.

– Здорово, таракан. Забыл о нас или как?

– Извини, приятель, много работы.

– Ты же говорил, что забил на нее.

– На эту забил, но тут другая подвернулась. Ты чего названиваешь?

– Сам же давал телефон...

– Я тебе его дал четыре года назад.

– Пять.

– Ну, даже так. Чего же вдруг прямо сейчас? Случилось чего?

– Тебе решать, случилось или нет. Просто мадам позвонила – приятный голосок, чуть с хрипотцой. Спросила, посещает ли нас все еще Роджер Вуйначек. Желает тебя застать, оставила свой номер. Ты сегодня будешь?

Роджер перевел дух и посмотрел в потолок, на засушенных в паучьих сетях мух. Он собирався их вымести еще два... нет, четыре года назад, но пауки все еще сидели по местам, а наивные мухи так и вились возле их ловчих сетей.

«Дуры», – подумал Роджер, отчасти сознавая, что задержки с выносом мусора как раз и привлекают этих несчастных мух, о которых только и мечтали его старые домашние пауки.

– Ну, ты куда пропал? Что доложить мадаме?..

В голосе Тони слышалась издевка.

– Скажи, что я буду к шести часам. Но не говори, что сообщил мне о звонке. Скажи – просто узнал.

– О'кей, приятель. Просто узнал, и точка. Ну пока, ждем-с.

«Вот некстати все это», – подумал Роджер, замирая перед раскрытым шкафом с небольшим выбором туалетов. Раньше этот выбор казался избыточным, но теперь его ожидала встреча с девушкой.

В конце концов он решил остановиться на обычных брюках, обычной водолазке и обычной куртке. Цвета были тоже обычные – неприметные. Одевшись, Роджер спустился во двор, чувствуя легкое волнение. Вот казалось бы – с чего? Очередной поход в бар, чтобы выпить и вернуться на носочках, едва понимая, кто ты и куда движешься. На автопилоте – так это называется.

– Вот блин, – прокомментировал свои мысли Роджер, останавливаясь на переходе возле светофора рядом с другими пешеходами.

– Вы тоже заметили? – спросил его какой-то рыжий. – Они увеличили временной интервал для красного цвета. Все только для автомобилистов, а мы для них не люди.

Роджер перебежал улицу, едва загорелся зеленый, и поспешил дальше, боясь, что рыжий нагонит его и навяжет какую-нибудь дурацкую тему для разговора, в то время как Роджер был настроен на романтическую волну, которая поднималась откуда-то со времен юности.

Тогда и трава была зеленее, причем значительно. Каштаны цвели круглый год, совсем не было дождей, а девчонки пользовались какой-то обалденной парфюмерией, от которой кружилась голова и хотелось писать стихи.

28

Вопреки ожиданиям, в баре «Гранджер» Роджер не увидел никаких новых лиц – только бармен Тони, его помощник Академус и еще несколько завсегдатаев, которые сидели тут сутки через трое. Видимо, они так работали. Ну и знакомый цифровик.

– Привет, Петер! – поздоровался с ним Роджер.

– Привет, ковбой, – ответил тот, не поднимая глаз от найденной формулы в собственном стакане.

Роджер взгромоздился на высокий стул и улыбнулся своему приятелю Тони.

– Ты изменился, парень, – сказал тот.

– Ты тоже состарился за эту неделю.

– Нет, Роджер, я серьезно. Ты стал каким-то другим. Хочешь получить сразу два «зеленых фонаря»?

– Не хочу. Давай начнем с фруктов.

– Кальвадос?

– Ну и где же тут фрукты, старый жиротряс?

– Яблочный спирт.

– Нет, давай с витаминами. Хочу водку из фиников, и чтобы был сироп из сосновых шишек. Сможешь?

– Ха! – воскликнул Тони, словно выхватывая из сетки самого здоровенного окуня. – Ты как будто мои мысли читаешь!

– Так что с моим заказом?

– Финики и мята сгодятся?

– Сгодятся.

– Ты попрощаться зашел? Уезжаешь?

– Ненадолго, – отмахнулся Роджер. – В командировку.

– Одну минуту...

Тони стал смешивать свои хитрые компоненты, а Роджер посмотрел в сторону двери, полагая, что почувствует сегодня давно забытый запах волшебных духов своей юности. Собственно, нужны ему были не духи, а те волнительные ощущения, с которыми это было связано.

И чего это он стал вспоминать про юность? Почему не про молодость? Роджер вздохнул. Видимо, потому, что в его молодости поэзии было значительно меньше. Ее заменили постоянное напряжение, коварство недругов, иногда стрельба, и, скорее всего, такую молодость следовало назвать временем собирания опыта, который он теперь едва не пропил за эти долгие семь лет.

Говорят, что опыт не пропьешь, но это заблуждение. Он знал людей, которые его пропивали.

Задумавшись, Роджер не обратил внимания на сдержанную жестикуляцию Тони. А когда обратил, рядом оказалась мисс Кьюзак.

– О! Извините, я вас не заметил!.. Что будете пить?

– Мы же вроде уже на «ты», Роджер, – улыбнулась она, хотя тоже выглядела немного смущенной.

– Да, вроде бы, – пожал плечами Роджер. – Что порекомендуешь, Тони?

– «Чайную розу», – расплылся в улыбке Тони и сделал полупоклон, а его помощник загляделся на гостью и, поднося стаканы, едва не врезался головой в косяк.

Тони метнул в его сторону недовольный взгляд и снова с полупоклоном обратился к очаровательной посетительнице:

– Так что вы скажете, мисс?

- Давайте «чайную розу», – согласилась она. – А что пьешь ты, Роджер?
- Финиковую водку. С мятой.

Из подсобки выглянул второй помощник Тони, чтобы поглядеть на не типичную для заведения гостью, в баре «Гранджер» такие особы появлялись редко.

– Спасибо, – сказала мисс Кьюзак, получив высокий бокал с напитком и розовым светящимся шариком на дне.

- Может, пересядем куда-нибудь, а то на этом высоком стуле в юбке некомфортно.
- Конечно... э-э...
- Пенни, – напомнила она.

– Нет, Пенни, я помню, что это ты. Давай пересядем, свободных столиков много.

И они перешли за столик.

– А ничего здесь, уютненько, – заметила Пенни, осматриваясь. – Ты часто здесь бываешь?

– Всегда, – пожал плечами Роджер.

– Я вспомнила, что ты говорил о поездке. Надолго уезжаешь?

– Говорил, да? Ну, видимо, говорил.

Роджер попытался вспомнить, что еще растрепал по пьянке. В таком состоянии он любил приврать на отвлеченные темы, но чтобы касаться работы... Неужели он так сильно изменился за эти годы?

– Я не знаю, надолго ли. Как дела пойдут...

– Понятно, – кивнула Пенни и потянула через трубочку свой коктейль. От этого светящийся шарик закрутился, и света от него стало больше, отчего заискрились поднимавшиеся со дна пузыри.

– Как красиво, – сказала Пенни, улыбаясь.

– Как там твой парень, кстати? Что говорят врачи?

– Парень?!

Пенелопа даже выпрямилась от неожиданности.

– Вот дура! Я забыла позвонить в больницу!.. Я сейчас!..

Она стала лихорадочно расстегивать свою сумочку, но Роджер сказал:

– Ладно, не дергайся, если бы что-то случилось, они бы с тобой сами связались, правильно?

– Правильно, – согласилась Пенни, сразу успокаиваясь. – Я бы и вчера позвонила, но мы же много выпили... Ты как сегодня утром – в порядке был?

– Давненько я не был утром в таком порядке, спасибо, что вызвала вытрезвителей. Кстати, я могу оплатить свою часть счета за них, я теперь при деньгах.

– Ой, забудь!.. – отмахнулась Пенни и засмеялась. – Кто бы мог подумать, что человек, которого еще сутки назад я считала уродом и извращенцем, окажется нормальным парнем.

– Меня неверно информировали о тебе, извини.

– Хороший коктейль, кстати.

Пенни помешала напиток соломинкой.

– Я что у тебя спросить хотела, Роджер...

– Да, спрашивай, – кивнул тот и стал рассматривать свой стакан, как будто это сейчас было очень важно.

– Та бутылка желтого рома, она была лишней, правда?

– Согласен, лишней. Могли бы обойтись без нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.